

РОБЕРТ ДИЛТС

СТРАТЕГИИ ГЕНИЕВ

— 1 —
АРИСТОТЕЛЬ, ШЕРЛОК ХОЛМС, ВОЛФ ДИМОН,
ВОЛФГАНГ АМАДЕУС МОЦАРТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СТРАТЕГИИ ГЕНИЕВ»
МОСКВА 2018

В первом томе серии "Стратегии гениев" Роберт Дилтс с позиции НЛП анализирует творческие и мыслительные стратегии таких всемирно признанных гениев, как Аристотель, Вольфганг Амадей Моцарт, Уолт Дисней и Шерлок Холмс. Автор ставит перед собой задачу расширить возможности применения этих стратегий, перенеся их из тех областей, где они изначально получили развитие, в другие сферы человеческой деятельности и сделать их доступными каждому, кто желает максимально развить и усовершенствовать свои творческие и умственные способности.

Книга будет полезна всем, кто интересуется последними достижениями психологии и хотел бы глубже понять процессы человеческого мышления.

Роберт Дилтс

СТРАТЕГИИ ГЕНИЕВ

Том 1

Аристотель Шерлок Холмс Уолт Дисней

ПРИГЛАШЕНИЕ НА ПАРТИЮ

И музыке вселенной внемя стройной, И мастерам времен благословенных, На праздник мы зовем, на пир достойный Титанов мысли вдохновенных.

Герман Гессе "Игра в бисер". Из стихотворений, оставшихся от Йозефа Кнехта

Первой ассоциацией, которую вызвала у меня эта книга, был роман Германа Гессе "Игра в бисер". Мастер игры у Гессе должен был составить партию из запахов летнего утра, мелодии Моцарта, математической формулы, а другой мастер — продолжить ее. И чем красивее были ассоциации, чем шире они охватывали разные сферы искусства, науки, реальной жизни, тем прекраснее считалась партия. Искусству составления партии учились годами, и только через много лет ученик становился Мастером, способным понять и оценить красоту настоящей партии.

И хотя такая партия иногда приводится как пример никчемности псевдонаучных исканий, мне кажется, что это скорее пример прекрасного и вечного поиска единого языка, который описывал бы то, что происходит в мире, — одновременно и поэтично, и фундаментально, и близко, и понятно каждому. Даже тем, кто не слишком хорошо разбирается в фундаментальных науках и скорее просто читатель, чем поэт.

Такой поиск можно назвать попыткой найти современное разрешение травмы, описанной в библейском мифе о Вавилонской башне. Когда вокруг много людей, говорящих на разных языках, живущих в разных культурах, порой вкладывающих разный смысл в одинаковые слова, очень хочется хоть в чем-нибудь найти согласие. Роберт Дилтс в этой книге взял в качестве предмета для исследования такую уникальную черту, как Гениальность, и попытался найти в ней то, что может быть понятно, узнаваемо и приемлемо для всех.

В свою «партию» Дилтс включил философа Аристотеля, музыканта Моцарта, великого детектива Шерлока Холмса, создателя мультипликации Уолта Диснея. Можно ли угадать внутреннюю логику авторского выбора «персонажей» и чем объяснить именно такой ассоциативный ряд? Возможно, это поиск корней, начал, «патриархов», столь свойственный американскому менталитету? Стремление убедить, что метод, который сам Дилтс много лет исследует и развивает, происходит от великого источника (в книге Аристотель трогательно назван провозвестником НЛП!), в тех или иных проявлениях встречается в творчестве множества гениальных людей и, трансформируясь, следует в XXI век?

Исследование творчества известных людей традиционно для психологии. Поиск Роберта Дилтса выполнен "по законам НЛП". Одна его часть связана с нейронными системами, другая посвящена лингвистическому анализу текстов, третья — моделированию и программам. И, наконец, самая важная часть — тому, как все это может быть полезно самому обычному — гениальному читателю.

Если Вы, уважаемый читатель, делаете в НЛП первые шаги, начните с конца книги — с главы "Истоки и основные принципы НЛП". Этот краткий и четкий обзор поможет Вам не растеряться в начале, выбрать свой путь и в результате обрести уверенность истинного знатока "шахматных партий", понимающего язык гамбита и остроту эндшпиля.

Метафора, связанная с попыткой поиска особого — единого — языка, наверное, возникла у меня не случайно. НЛП создало метаязык описания внутренних процессов. Пока это, вероятно, только реконструкция, а не обретение потери. Но, как и всякий другой, метаязык тоже нуждается в изучении.

И Вам, читатель, решать, станет ли этот язык Вашим и как Вам захочется на нем себя выразить.

Мастер начал партию... Первоначала Аристотеля, улыбка Шерлока Холмса, Диснеевская Фантазия, мелодии Моцарта... Теперь Ваш ход. Торопитесь. Впереди еще два тома — две партии.

Елена Виль-Вильямс

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предисловии к первому тому "Нейро-лингвистического программирования" я и мои соавторы попытались наметить границы и определить задачи созданного нами направления. Мы подчеркивали:

"НЛП можно охарактеризовать как продолжение лингвистики, неврологии, или психологии; данное разделение, каким бы условным само по себе оно ни было, вполне оправдано с точки зрения процесса обучения и углубления практических знаний, оказывающих влияние на нашу жизнь... [НЛП] — это не просто полезные модели и схемы, взятые из различных сфер человеческой деятельности, но и изначальное глубокое понимание причин их возникновения, и, следовательно, область не только чисто информативная, но и практически значимая и, что самое главное, — ... уникальная по своим целям и методологии".

Мы предсказывали НЛП большую, полную дерзаний будущность — как науки, расширяющей горизонты нашего познания, и выразили уверенность в том, что благодаря НЛП *"знания и опыт из совершенно различных областей человеческой деятельности получают возможность прийти к единому знаменателю и взаимодействовать в таких сочетаниях, которые обеспечат наш дальнейший рост, понимание и совершенствование себя как биологического вида"*.

В этой книге мы определили систему категорий и методологию изучения "структуры субъективного опыта". Мы определили средства и методы, которые могут применяться при изучении и описании мыслительных процессов отдельной личности в форме познавательных «стратегий». В книге были рассмотрены принципы *выявления, применения, разработки и внедрения* таких стратегий. В качестве пояснения этих принципов предложено несколько путей применения новой технологии мышления в сфере здравоохранения, обучения, управления и психотерапии.

В заключении первого тома *"Нейро-лингвистического программирования"* мы обещали:

"...Следующая книга этой серии — второй том "Нейро-лингвистического программирования" — будет посвящена демонстрации и анализу стратегий, наиболее эффективных и совершенных в получении результатов, на которые они были нацелены при создании. Мы рассмотрим стратегии, оказавшиеся наиболее эффективными, изящными и успешно применяемыми в таких разных областях, как физика, шахматы, принятие решений, обучение игре на музыкальных инструментах, включая разработку совершенно новых моделей миропонимания. Кроме того, мы более подробно рассмотрим способы применения НЛП в работе и в повседневной жизни".

По ряду причин нам не удалось сдержать своего обещания. Но данное обязательство и стоящий за ним замысел не давали мне покоя с того самого времени, когда еще только возник замысел первого тома «НЛП». Новая серия "Стратегии гениев" во многом задумана как исполнение давнего обещания.

Данная работа воплощает и другой замысел, возникший почти двадцать лет назад, за добрых пять лет до того, как был опубликован первый том. На одном из занятий курса "Реальность человеческого общения" в Калифорнийском Университете в Санта Крус я беседовал с Джоном Гриндером о том, возможно ли составить «карту» той последовательности, в которой незаурядные люди бессознательно используют свои чувства в процессе мышления. В то время я был студентом, а Джон Гриндер — профессором лингвистики.

Эта беседа заронила во мне зерно замысла о более масштабном исследовании когнитивных моделей всемирно признанных гениев, которое, с одной стороны, воздало бы должное их дарованиям, а с другой — сняло бы с них покровы таинственности и позволило найти им широкое практическое применение. Отчасти этот замысел основывался на том, что такие стратегии могут быть преобразованы в элементарные, по сути своей достаточно простые операции, и в таком виде их смогут усвоить даже дети, готовясь к перипетиям взрослой жизни.

Это зерно дало всходы, и на свет появился настоящий труд.

Данная книга является первым томом "Стратегий гениев". В нем я займусь исследованием мыслительных процессов четырех выдающихся и очень разных личностей, внесших значительный вклад в облик современного мира, — Аристотеля, Шерлока Холмса, Уолта Диснея и Вольфганга Амадея Моцарта. Области, в которых действовали все эти личности, были весьма различны, к тому же один из них является персонажем вымышленным. Но тем не менее, все они обладают уникальными и мощными стратегиями анализа, принятия решений и постановки проблем, которые продолжают удивлять и восхищать нас и по сей день.

Второй том данной работы целиком посвящен Альберту Эйнштейну. Величие вклада Эйнштейна в понимание нами самих себя и всей системы мироздания заслуживает отдельного тома.

Последующие тома будут посвящены Леонардо да Винчи, Зигмунду Фрейдю, Джону Стюарту Миллю, Николе Тесла и некоторым более близким к нам по времени «гениям», таким, как Грегори Бейтсон, Мойша Фельденкрайз и Милтон Г. Эриксон.

Данный выбор не определяется каким бы то ни было конкретным планом. Скорее, это люди, пробудившие во мне искру вдохновения или создавшие нечто поистине фундаментальное.

Хотя главы данной работы несут в себе взаимные ссылки, нет нужды читать их подряд, поскольку каждый из названных гениев действовал в своей специфической области и применял свои особые методы, которые могут быть в разной степени интересны читателю.

Как я уже упоминал, данная работа зрела во мне на протяжении почти двадцати лет. За это время мое понимание стратегий гениальных людей окончательно сформировалось, как и я сам. Я уповаю на то, что с помощью данной работы я сумею передать идею всей необъятности человеческого разума и содействовать осознанию беспредельности возможностей, заложенных в так называемом "субъективном опыте" и надеюсь, что вы будете довольны предстоящим путешествием.

*"Я хочу узнать, как Господь создал этот мир. Меня не интересует то или иное явление природы, спектр того или иного элемента;
мне хочется знать Его замысел; все остальное — детали".*

Альберт Эйнштейн

"Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою.

И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один.

И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. И стало так. И создал Бог твердь и отделил воду, которая под твердь, от воды, которая над твердь. И стало так. И назвал Бог твердь небом. И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день второй.

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так. И назвал Бог сушу землею, а собрание вод назвал морями. И увидел Бог, что это хорошо. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод... И стало так. И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду и по подобию ее, и дерево плодовитое, приносящее плод... И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер и было утро: день третий.

И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для освещения земли и для отделения дня от ночи, и для знамений, и времен, и дней, и годов... И стало так. И создал Бог два светила великие: светило большое, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью, и звезды... И увидел Бог, что это хорошо. И был вечер, и было утро: день четвертый.

И сказал Бог: да произведет вода пресмыкающихся, душу живую; и птицы да полетят над землею, по тверди небесной. И стало так.

И сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода, по роду их, и всякую птицу пернатую по роду ее, и увидел Бог, что это хорошо... И был вечер, и было утро: день пятый.

И сказал Бог: да произведет земля душу живую по роду ее, скотов, и гадов, и зверей земных по роду их. И стало так. И создал бог зверей земных по роду их, и скот по роду его, и всех гадов земных по роду их. И увидел Бог, что это хорошо.

И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их... И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма. И был вечер, и было утро: день шестой.

Так совершены небо и земля и все воинство их. И совершил Бог к седьмому дню дела Свои, которые он делал, и почил в день седьмый от всех дел Своих, которые делал".

Бытие 1–2, 2

Когда мы читаем приведенное в качестве эпитафии начало Книги Бытия, перед нами в могучих мазках предстает история сотворения мира, изложенная на нескольких уровнях. Помимо описания того, *что* было создано, приводится описание процесса — *как* это было создано. Описание помысла Божьего дается в виде стратегии творения, обладающей собственной внутренней структурой. Эта стратегия содержит ряд шагов, которые происходят во времени в виде своего рода последовательности с обратной связью. Творение начинается с распознавания — осознания различий. Данный первый акт ведет к следующему, а этот, в свою очередь, еще к следующему, и таким образом каждый предыдущий замысел таит в себе причину последующего. Следствием каждого акта творения является повторение цикла, заключающего в себе три основополагающих процесса:

1. Рождение замысла — *"И сказал Бог: да будет..."*
2. Воплощение — *"И создал Бог..."*
3. Оценка — *"И увидел Бог, что это хорошо"*.

Каждый цикл ведет ко все более точным и развернутым формулировкам замысла. С каждым циклом замысел облекается все большей плотью и сам по себе приобретает способность «порождать», «преумножать» и служить опорой для других замыслов. Заключительное описание передает процесс Творца настолько подробно, что может послужить для «восполнения» всех остальных актов творения, и к тому же еще способно к саморазрастанию.

В некотором смысле данная серия работ, посвященных "стратегиям гениев" повествует о том же, будучи по сути своей изучением процессов, стоящих за появлением замыслов, в той или иной степени повлиявших на судьбы мира. Внимание в этих исследованиях концентрируется не на них самих, а в первую очередь на стратегиях, ведущих к этим замыслам, вплоть до обретения ими конкретных форм.

Заявление Эйнштейна о том, что он старается понять "замысел Божий", включает в себе квинтэссенцию гениальности и идею данной работы. Ее объектом является не суть акта творения и не суть гениальности, а то еще непознанное в "замысле Божьем", что мы можем открыть, всмотревшись пристально в "пути Господни". Для меня один из символов гениальности отражен в той части росписи свода Сикстинской капеллы кисти Микеланджело, где Адам изображен распростертым на Земле, с рукой, воздетой к небесам, и длань Господа простирается ему навстречу. Их пальцы вот-вот должны встретиться. Чудо, по моему мнению, заключается в той искре, что пробегает между сближающимися пальцами. В этом — гениальность. Ее я и пытаюсь исследовать в этой книге — связь, существующую между божественным и мирским, между картой и территорией, между видением и действием.

Нейро-лингвистическое программирование

"Человеческая история по сути своей есть история идей". Герберт Уэллс *"Мое понимание истории"*

Говорят, что история человечества не более чем хроника деяний и идей великих личностей. Со времен первых летописей целью историков, философов, психологов, социологов и всех прочих летописцев рода человеческого было выявление и описание первопричин подобных деяний и идей.

Основопологающей задачей психологии, в частности, было выяснение ключевых факторов эволюции идей. С тех самых пор, как человеческие существа впервые начали устремлять свой взор внутрь самих себя и изучать свои собственные процессы мышления, из того, на что уповали и что сулили психологические исследования, не на последнем месте была надежда на то, что рано или поздно удастся скопировать те решающие свойства «ума», которые позволили бы нам самим воспарить мыслью наравне с гигантами истории.

Нейро-лингвистическое программирование (НЛП) предоставляет совершенно новый набор технических средств и методов, позволяющих продвинуться далеко вперед в направлении этой многообещающей, но неуловимой цели. Задачей НЛП был дальнейший прогресс знания, в том числе — знания о самом роде человеческом. Исследование стратегий гениальных людей составляет часть этой задачи. Моей целью было создание моделей когнитивных стратегий людей, которые не только способствовали познанию окружающего мира, но и внесли вклад в познание людьми самих себя, а кроме того — поиск способа применения этих стратегий для дальнейшего совершенствования рода человеческого.

НЛП является прагматической школой мышления — *"теорией познания"*, которая в полном объеме отвечает многоуровневой категории, обозначаемой словом «человек». НЛП является многомерным процессом, включающим в себя развитие поведенческой компетентности и гибкости, и наряду с этим — стратегическое мышление и понимание мыслительных и познавательных процессов, скрывающихся за поведением.

НЛП предоставляет в наше распоряжение технические средства и навыки самосовершенствования личности, а кроме того — предлагает свой взгляд на систему общечеловеческих ценностей, заставляет поверить в потенциал межличностного общения и в те качественные сдвиги, что неизбежно произойдут в каждом из последователей. На другом уровне НЛП служит для самопознания, самооценки и выбора пути, а кроме того — дает ключ к пониманию «духовной» стороны человеческого бытия, которое выходит за рамки нашего личного опыта. Цель НЛП состоит не только в самосовершенствовании, но и в накоплении мудрости и приобретении широты взглядов — качеств, присущих гению.

Тремя важнейшими составляющими, отвечающими за приобретение личностного опыта, являются нервная система, язык и программирование. Нервная система регулирует жизнедеятельность нашего организма, язык дает нам средство общения с другими членами общества, а программирование позволяет создавать субъективные модели окружающего мира. Нейро-лингвистическое программирование дает описание динамики взаимодействия между сознанием (нейро-) и языком (лингвистика) и определяет, каким образом это взаимодействие влияет на нашу жизнедеятельность и поведение.

НЛП позволяет нам заглянуть за поведенческую «ширму» человеческой деятельности и разглядеть истинные, ранее скрытые движущие мотивы этой деятельности, и в конечном итоге — обнаружить структуры мышления, позволившие гениальным людям достичь того, чего они сумели достичь. НЛП предоставляет как механизм, так и язык, при помощи которых

мыслительный процесс, к примеру Леонардо или Эйнштейна, может быть разложен на элементарные составляющие, которым можно обучить других.

Еще одной заслугой НЛП является то, что, тщательно исследовав структуру поведения, мы можем так преобразовать мыслительные процессы людей, гениальных в какой-либо области, что сумеем применять их совершенно в иных областях. Мы можем выявить составляющие мыслительной *стратегии* Эйнштейна в области физики и применить ее при обдумывании социальных или личных проблем. Точно так же мы можем извлечь ключевые элементы моцартовской стратегии музыкального творчества и применить их в решении организационных задач или при обучении детей чтению.

НЛП основывается на убежденности в том, что именно процесс мышления, стоящий за конкретным достижением, является важнейшим элементом гениальности. И то, что эффективно в стратегии приготовления пищи, может быть с успехом применено в стратегии съемки фильма или в литературном творчестве.

В первом томе "Нейро-лингвистического программирования" я и мои коллеги указывали: "Путем выявления [мыслительных] последовательностей, приводящих к особым результатам, мы, по сути, можем повторить любую специфическую форму поведения, будь то бизнесмена, ученого, целителя, спортсмена, музыканта или кого бы то ни было, умеющего хорошо делать свое дело. Мы уверены, что при помощи НЛП любой может стать современным "человеком ренессанса".

НЛП целиком построено на двух фундаментальных принципах:

7. *Карта не есть территория.* Человеческие существа никогда не могут постичь всей полноты действительности. То, что мы познаем, — лишь наше восприятие этой действительности. Мы создаем представление об окружающем мире и реагируем на него через сенсорные репрезентативные системы. И именно наши "нейро-лингвистические" карты действительности, а не сама действительность, определяют наши поступки и придают им смысл. И, как правило, не сама действительность сдерживает или, наоборот, побуждает нас идти вперед, а наша карта-отражение этой действительности.

2. *Жизнь и «сознание» являются системными процессами.* Процессы, протекающие в человеке и при взаимодействии человека с окружающей средой, являются системными. Наши тела, сообщества и Вселенная образуют экологию сложных систем и подсистем, которые постоянно взаимодействуют и влияют друг на друга. Невозможно полностью изолировать какую-либо отдельно взятую часть от всей остальной системы. Подобные системы основываются на определенных принципах «самоорганизации» и, естественно, стараются прийти в состояние оптимального равновесия, или гомеостазис.

Все модели и техники НЛП основываются на сочетании этих двух принципов. Основные принципы НЛП не допускают возможности познания человеком всей картины объективной реальности. Мудрость, этика и экология не проистекают из обладания одной «правильной» или «точной» «картой» мира, ибо ее создание превосходит человеческие возможности. Задачей, скорее, является создание возможно более подробной и точной «карты», которая отдавала бы должное системной природе и экологии нас самих и мира, в котором мы обитаем.

Индивидуальные модели мира

Область, которой занимается НЛП, можно определить, как "субъективный опыт", включающий в себя то, что в различных контекстах называется «мышлением», «сознанием», «разумом» и в более широком значении относится к деятельности нашей нервной системы во всем ее объеме. Именно через наш личный субъективный опыт мы познаем окружающий мир. В первом томе книги "Структура магии" ("The structure of Magic") Ричард Бэндлер и Джон Гриндер указывали:

"Ряд людей в истории цивилизации пришли к выводу, что между этим миром и нашим представлением о нем существует непреодолимое различие. Мы как человеческие существа не оказываем непосредственное влияние на этот мир. Каждый из нас создает свою репрезентативную «карту» мира, в котором мы обитаем — то есть, некую «карту-отображение» или модель, которую используем, решая, как поступать. Наша репрезентативная «карта» мира во многом определяет, каким будет наше миропонимание, насколько успешно мы сумеем постигать этот мир, какие возможности будут нам доступны... Нет двух людей с одинаковым жизненным опытом. Модель же, которую мы себе создаем и которой руководствуемся в этом мире, основывается в какой-то степени на нашем жизненном опыте. Поэтому каждый из нас может создать отличную от других модель общего мира и, таким образом, оказаться живущим в несколько иной действительности".

Таким образом, наши поступки будет определять скорее наша умозрительная модель действительности, нежели сама действительность. До тех пор, пока чей-то разум не создал «карту» таких понятий, как «атом», «вирус» или "земля в форме шара", данные стороны действительности не могли оказывать влияние ни на поступки наших предков, ни на нас самих.

Бэндлер и Гриндер пошли дальше, указав на то, что различие между людьми, эффективно взаимодействующими с окружающим миром, и теми, чье взаимодействие неадекватно, в значительной степени определяется различием моделей мира в их сознании.

"Личности, творчески взаимодействующие с миром и успешно преодолевающие трудности... — это те люди, у которых репрезентация или модель их жизненных обстоятельств обладает богатой палитрой красок, открывая им широкий спектр возможностей в выборе своих поступков. Другие же люди уверены в ограниченности своего выбора, и при этом ни один из возможных вариантов их полностью не устраивает... Как выяснилось, дело не в том, что мир слишком тесен, и не в том, что выбор отсутствует. Причина в том, что такие люди сами создают себе препоны на пути к открытому для них выбору и возможностям уже только тем, что таковые отсутствуют в их моделях мира и таким образом ускользают из их поля зрения".

Как я ранее указывал, НЛП берет свое начало с пресуппозиции, что "карта не есть территория". Каждый обладает своей собственной индивидуальной «картой-отображением» или моделью мира, и ни одна «карта» не является хоть сколько-нибудь более «правильной» или «настоящей», чем любая другая. Вернее было бы сказать, что наиболее преуспели те люди, чья «карта» мира позволяет им держать в поле зрения наибольшее количество доступных им вариантов и возможностей. Человек, являющийся «гением», в этом смысле просто обладает большей широтой взглядов и большими способностями к организации и взаимодействию с миром. НЛП располагает рядом методов, позволяющих значительно увеличить возможности выбора в окружающем нас мире.

Цель данной книги состоит, говоря словами антрополога Грегори Бейтсона, в поиске определения "разницы, в которой заключаются различия". Мы собираемся создать модель моделей мира нескольких великих людей в истории человечества. И в таком образом, НЛП

можно назвать «метамоделью», или МОДЕЛЬЮ МОДЕЛЕЙ.

*"По сути говоря, нет истории, есть только биография".
Эмерсон "Эссе"*

Моделированием называется процесс, в ходе которого сложное событие или ряд сложных событий дробится на небольшие отрезки, чтобы его можно было повторить, не выпуская из поля зрения. Область нейро-лингвистического программирования развилась в процессе моделирования навыков человеческого мышления. Процесс моделирования в НЛП включает в себя выяснение того, как работает мозг ("нейро-") путем анализа языковых стереотипов ("лингвистическое") и невербальных средств коммуникации. Результаты этого анализа вводятся затем в многоэтапные стратегии или программы ("программирование") для передачи данных навыков другим людям и в иные сферы деятельности.

НЛП берет свое начало с того времени, когда Ричард Бэндлер и Джон Гриндер занялись моделированием стереотипов языка и поведения на основе трудов Фрица Перлза (основоположника гештальт-терапии), Вирджинии Сатир (основательницы системной семейной терапии) и Милтона Эриксона (основателя Американского общества клинического гипноза). Первые «методики» НЛП были получены из ключевых вербальных и невербальных стереотипов, которые Гриндер и Бэндлер наблюдали в поведении этих выдающихся психотерапевтов. Как подразумевалось в названии их первой книги "Структура магии" ("The Structure of Magic"), все кажущееся чудесным и непостижимым часто обладает более глубокой структурой, которая, будучи изучена, становится понятной и может быть применена на практике другими людьми, а не только теми выдающимися "магами и волшебниками", первыми познавшими это «чародейство». НЛП — это процесс, посредством которого соответствующие фрагменты поведения этих людей сначала были выявлены, а затем сведены воедино в действующую модель.

НЛП разработало технику и критерии различий, при помощи которых идентифицируются и описываются стереотипы вербального и невербального поведения людей, то есть ключевые моменты того, что люди говорят и делают. Первостепенные цели НЛП заключаются в моделировании выдающихся способностей, а также в возможности их использования другими людьми. Задача такого типа моделирования — наиболее эффективное практическое применение всего, что наблюдалось и было описано.

Методы моделирования НЛП позволяют нам выявлять специфические репродуцируемые стереотипы языка и поведения успешно действующих ролевых моделей. Значительная часть анализа методом НЛП осуществляется в процессе наблюдения и слушания ролевой модели в действии, однако много полезной информации может быть извлечено и из письменных источников.

В этой книге я постараюсь смоделировать мыслительные процессы ряда исторических личностей, признанных гениями в различных областях, путем анализа моделей и стереотипов их языка, в том виде, в каком они дошли до нас в их сочинениях. Я также исследую плоды их деятельности с точки зрения породившего их творческого процесса. После обобщения данная информация будет введена в «программы» или стратегии, которые мы с успехом сможем использовать для обогащения наших собственных творческих и мыслительных процессов.

Уровни моделирования

При создании модели конкретной личности учитывается ряд различных уровней, систем и подсистем, в которых данная личность действовала и которые мы можем исследовать. Нам следует взглянуть на историческую и географическую *обстановку* — то есть *когда* и *где* данный индивидуум осуществлял свою деятельность. Нам нужно изучить присущие ему линии *поведения* и поступки — то есть *чем* этот индивидуум *занимался* в конкретной обстановке. Нам следует также принять во внимание стратегии мышления и познания, а также *врожденные способности*, благодаря которым данный индивидуум определял и направлял свои действия в данной обстановке — то есть *как* он выработывал данные линии поведения в данном контексте. Далее мы можем исследовать убеждения и ценности, мотивировавшие и формировавшие конкретные стратегии мышления и способности, развитые индивидуумом применительно к своим поведенческим целям в данной обстановке — то есть *почему* данный индивидуум делал то, что он делал в данное время и в данном месте. Мы можем более тщательно исследовать, какова была самооценка этой личности и как она проявлялась внешне через убеждения, способности и действия данной личности — то есть *кто* стоял за «почему», «как», «что», «где» и «когда».

Возможно, нам также потребуется исследовать способы проявления данным индивидуумом себя как личности по отношению к семье, коллегам, современникам, цивилизации, планете, Богу — то есть то, чем был данный индивидуум относительно *кого-то еще*. Другими словами, каким образом линии поведения, способности, убеждения, ценности и личность данного индивидуума оказывали влияние и приходили во взаимодействие с более крупными системами, частью которых был он сам в личном, общественном, и *духовном* смысле.

Один из способов визуализации связей между этими компонентами заключается в построении их в виде схемы генеративных систем, фокусирующихся или сходящихся на личности данного индивидуума, как на исходной точке процесса моделирования.

В итоге моделирование процесса гениальности может повлечь за собой изучение взаимодействия на ряде различных уровней личного опыта, включая следующее:

Духовное

Видение и цель

А. *Кто я есть*

Идентичность Миссия

Б. *Моя система убеждений*

Убеждения, метапрограммы Разрешение и мотивация

В. *Мои способности*

Состояние, стратегия Направление

Г. *Что я делаю*

Особенности поведения

Действия

Д. *Мое окружение*

Внешний контекст

Реакции

Схема логических уровней

- Окружение определяет внешние возможности, либо ограничивающие факторы, на которые индивидуум должен реагировать. Относится к *где? и когда* гениальности.
 - Поведение — это особые действия или реакции, производимые индивидуумом в пределах данного окружения. Относится к *что?* гениальности.
 - Способности руководят и направляют поведенческие акты при помощи ментальных «карт», планов или стратегий мышления. Относятся к *как?* гениальности.
 - Убеждения и ценности обеспечивают дозволение и мотивацию, которые либо поддерживают, либо противодействуют способностям. Относится к *почему?* гениальности.
 - Идентичность индивидуума подразумевает его роль, предназначение, и/или самовосприятие. Относится к *кто?* гениальности.
 - Духовное подразумевает ту большую по масштабу систему, частью которой индивидуум является, а также влияние этой системы на состояние его духа. Относится к *кто еще и что еще?* гениальности.
- Таким образом, частью процесса моделирования является определение нескольких уровней стратегии.

Стратегия — это особая область моделирования, в которой ведется поиск ментальной «карты», применявшейся моделируемым индивидом для организации своих действий, направленных на достижение конкретного результата.

Нейро-лингвистическое программирование предоставляет в наше распоряжение набор технических средств и категорий, которые позволяют создавать «карты» когнитивных процессов, лежащих в основе трудов творчески одаренных и выдающихся людей. Вместо того, чтобы сосредоточивать свое внимание на содержании трудов конкретного моделируемого индивида, НЛП ведет поиск более глубинных структур, позволивших получить данные результаты. В частности, НЛП исследует пути использования таких базовых *неврологических* процессов, как чувства (зрение, слух, осязание, обоняние и вкус), отражения этих процессов в языке, и выработки конкретной *программы* или стратегии с помощью этих двух компонентов. Согласно модели НЛП, именно способ организации наших сенсорных и лингвистических функций в запрограммированную последовательность умственной деятельности в огромной степени определяет восприятие нами окружающего мира.

Нейро-лингвистическое программирование появилось на свет в Калифорнии в то самое время, когда произошла другая важная технологическая и социальная революция — появление персонального компьютера. Как и во все времена, прогресс в понимании умственной деятельности непосредственно отражает прогресс в технологии (и наоборот). Многие в подходе НЛП к изучению умственной деятельности основано на взглядах, уподобляющих работу мозга работе компьютера. Это находит свое отражение и в терминологии НЛП, значительная часть которой (как и само название) происходит из языка вычислительной техники.

Стратегия сходна с компьютерной программой. Она указывает на то, что необходимо делать с получаемой информацией, и подобно компьютерной программе, одна и та же стратегия может применяться для обработки большого объема совершенно различной информации. Как и компьютерные программы, человеческие стратегии не зависят от характера вводимой в них информации. Как и программы, стратегии могут быть более или менее эффективны. Выражаясь языком аналогий, человеческие стратегии являются программным обеспечением, разработанным для биокомпьютера, называемого "человеческий мозг". В некотором смысле самый мощный персональный компьютер в мире заключен в пределах нашей черепной коробки. Проблема в том, что он не идет в комплекте с "Руководством пользователя", и его программное обеспечение не всегда достаточно «дружественно». Целью психологии, и в частности НЛП, является поиск "языка программирования" нервной системы человека, чтобы мы могли заставить нашу нервную систему функционировать более изящно, эффективно и экологично. И превратившись в "кудесников программирования", мы сможем переписать на новом языке какую-то часть программного обеспечения тех, кто сумел в совершенстве овладеть этим компьютером.

Микро-, макро- и метастратегии

Стратегии применяются на различных уровнях и подразделяются на микро-, макро- и метастратегии.

Микростратегия концентрирует внимание на том, как именно конкретный индивидуум думает в данный конкретный момент, выполняя конкретную задачу. Если кому-то потребовалось вспомнить какую-то определенную информацию, скажем, номер телефона, то как он поступает с этой информацией, чтобы сохранять и извлекать ее из своего персонального биокомпьютера — то есть из своего мозга? На данном микроуровне вам, возможно, потребуется точно знать, в каком масштабе высвечивается этот номер в его памяти. Существует ли особый цвет, которым данное лицо изображает этот номер? Произносит ли человек его про себя? Испытывает ли он какие-либо внутренние ощущения? Все это и будет микростратегией, которую можно уподобить машинному коду компьютера.

Макростратегия — это моделирование «успеха» или «лидерства». Стратегия успеха и лидерства представляет собой программу более высокого уровня, содержащую в себе несколько микростратегий и занимающую более продолжительный отрезок времени. В отдельных случаях это могут быть более общие этапы процесса, важные для достижения определенного результата, и конкретный путь попадания из точки А в точку В на микроуровне может не иметь большого значения. В данном случае важен результат, а не пути его достижения. Таким образом, макростратегия имеет дело с более общими операциями и этапами процесса мышления.

Метастратегия, или *метамодель* является моделью построения моделей, или стратегией поиска стратегий. В определенном смысле, большая часть того, что вы узнаете из этой книги, является метамоделью и набором метастратегий — стратегиями и моделями поиска стратегий выдающихся личностей и создания практических моделей из этих стратегий.

Моделирование стратегий гениев

Целью моделирования является не создание единственной «подлинной» «карты» или модели чего-либо, а скорее обогащение нашего понимания, для того чтобы взаимодействовать с действительностью более результативно и более экологично. Модель призвана не подменить собою действительность, а лишь представлять некоторые аспекты действительности в конкретном и практически пригодном виде.

Цель данной книги состоит в том, чтобы показать, как методы НЛП помогают анализировать поведение важных исторических лиц, создать практически применимые и эффективные "стратегии гениев", которые могут использоваться в различных ситуациях. Лично я более всего заинтересован в применении этих стратегий в «гуманитарной» сфере, в познании процессов, связанных с человеком. В первом томе книги "Нейро-лингвистическое программирование" я и мои коллеги указывали:

"Понимая и применяя НЛП с тем изяществом и прагматизмом, с каким оно было создано, мы сможем не только выяснить, как Фрейд дал возможность появиться на свет теориям Эйнштейна, но и открыть способы предопределения и предсказания самих факторов, позволивших людям стать людьми, субъективно оценивая результаты их творческого процесса".

И быть может, если мы обретем способности складывать из нот музыку — подобно Моцарту, переосмысливать наши взгляды на вселенную — подобно Эйнштейну и переносить на холст работу своего воображения — подобно Леонардо, и затем сумеем применить их для преобразования форм взаимодействия между людьми в общественных структурах, — то сможем по-настоящему ускорить прогресс человечества.

Это и есть то, о чем я мечтаю, и что составляет замысел моей книги.

1. АРИСТОТЕЛЬ: У ИСТОКОВ ГЕНИАЛЬНОСТИ

Слагаемые гениальности

Первым из гениальных людей, модели стратегий которого я хочу воссоздать в данной работе, является древнегреческий философ Аристотель, живший в 385–322 гг. до н. э. Аристотеля принято считать «отцом» современной науки. Он признан одним из наиболее авторитетных гениев западной цивилизации. Его мысль охватывала множество наук, включая физику, логику, этику, политику, риторику, биологию, поэтику, метафизику и психологию. Большинство открытий Аристотеля были столь фундаментальны, что на протяжении столетий продолжали оставаться основой всех указанных учений.

Использованная Аристотелем стратегия познания окружающего мира несла в себе нечто особенное, что позволило ему совершить столь величественный интеллектуальный подвиг. Благодаря своим мыслительным процессам Аристотель сумел творчески переработать в стройную систему информацию из совершенно различных сфер бытия. Принято считать, что именно вторичное открытие аристотелевского процесса мышления позволило западной цивилизации перейти от мрачной эпохи средневековья к Ренессансу.

С точки зрения НЛП, Аристотель обладал собственной очень эффективной стратегией моделирования. В сущности, он и был «разработчиком» моделей, и, обращаясь к наиболее важным областям человеческого бытия, создавал весьма эффективные их модели. Он не был "узким специалистом" в какой-либо одной области, и в то же время — обладал способностью до самых глубин постигать различные стороны изучаемого им мира.

Для нас в данном случае наибольший интерес представляет то, каким образом Аристотель осмысливал свой опыт. Пользуясь техникой моделирования НЛП, мы можем вычертить схему некоторых особенных элементов его стратегии, чтобы получить новое практическое видение его выдающегося гения и наметить области ее применения в сегодняшней жизни.

Любопытно, что среди предметов, которым Аристотель никогда не уделял внимания, был и тот, которому мы посвящаем данное исследование, — «гениальность». Интересно, какой подход избрал бы Аристотель при изучении данного феномена? Хотя сам Аристотель не оставил нам прямого ответа на этот вопрос, его можно найти в тех многочисленных подсказках и намеках, содержащихся в трудах великого философа.

К "первоначалам"

Наиболее важной стороной гения Аристотеля была его способность выявлять основополагающие принципы, или «законы», в любой исследуемой им сфере человеческих знаний. Как он поясняет в своей "Физике":

"Так как знание, и [в том числе] научное познание, возникает при всех исследованиях, которые простираются на начала, причины и элементы, путем их уяснения (ведь мы только тогда уверены, что знаем ту или иную вещь, когда уясняем ее первые причины, первые начала и разлагаем ее вплоть до элементов)..." (*Физика, II, 184 а 10–15*)

"Для нас же в первую очередь ясны и явны скорее слитные [вещи], и уж затем из них путем их расчленения становятся известными элементы и начала. Поэтому надо идти от вещей [воспринимаемых] в общем, к их составным частям... И дети первое время называют всех

мужчин отцами, а женщин матерями и лишь потом различают каждого в отдельности". (Op. cit. I 1, 184 a 21–25 b 12–14)*

*Здесь и далее русский перевод Аристотеля приводится по изданию: Аристотель. Собр. соч. в 4 тт. М.: Мысль, 1976–1984 ("Философское наследие").

Как явствует из вышеприведенного отрывка, аристотелева стратегия достижения «первоначал» состоит в продвижении на базе аналитического процесса "от вещей [воспринимаемых] в общем, к их составным частям", то есть от наиболее крупных, но еще доступных нашему восприятию явлений, вплоть до самых малых, элементарных составных частей, не обладающих уже собственным наполнением.

Следуя за Аристотелем, в данном исследовании мы будем «расчленять» имеющуюся в нашем распоряжении информацию, чтобы обнаружить "первопричины", или "первоначала" за счет выявления "простейших элементов". Другими словами, "стратегия гениальности" должна определять «первопричины» и «первоначала» процессов, относящихся к гениальности, в качестве их "первичных элементов". Для нас наибольшую сложность представляет то, как **именно** данные "слитные вещи", то есть исходная масса информации, могут быть разделены на свои "первичные элементы" и "первоначала".

Постановка фундаментальных вопросов

Согласно Аристотелю, раскрытие данных первоосновных элементов и принципов осуществляется через анализ наших ощущений. Во "Второй аналитике" Аристотель дает частичное описание своего аналитического подхода. Как и его учитель и наставник Платон, Аристотель начинает с постановки фундаментальных вопросов. Очевидно, что характер вопросов определяет и характер ответов. Согласно Аристотелю:

"Виды искомого по числу равны видам знания. Искомого четыре вида: «что», «почему», «есть ли» и "что есть". В самом деле, когда вопрос касается сочетания [вещи и свойства] — вот такая ли [вещь] или такая, например затмевается ли Солнце или нет, тогда мы ищем, что [вещь] есть [такая-то]... Когда же мы знаем, что нечто есть [такое-то], тогда мы ищем [причину], почему оно [такое-то]. Например, когда мы знаем, что происходит затмение Солнца и что Земля колеблется, тогда мы ищем [причины], почему происходит затмение и почему колеблется Земля. Их мы ищем именно так. Но о некоторых вещах мы спрашиваем по-другому, например: есть ли кентавр или бог?... А когда мы уже знаем, что нечто есть, тогда мы спрашиваем о том, что именно оно есть, например: что же есть бог или что такое человек?" (Вторая аналитика, II 1, 89 b 21–35}

Итак, данные четыре вида искомого — суть четыре фундаментальных вопроса: 1) имеется ли в самом деле связь свойства с вещью? 2) что является причиной данной связи? 3) существует ли сама вещь? 4) какова природа вещи? В своей совокупности они представляют:

"... то, что мы ищем и что мы знаем после того, как мы его нашли, и его именно столько-то". (Op. cit., II 2, 89 b 36)

Для того чтобы применить стратегию Аристотеля к изучению гениальности, нам необходимо постоянно ставить эти четыре фундаментальных вопроса (в данном случае изучаемой нами «вещью» является "гениальность"). Слегка изменив приведенный у Аристотеля порядок, мы должны спросить следующее:

1. Действительно ли существует "гениальность"?
2. Если да, то в чем природа гениальности? Каковы ее "свойства"?
3. После того, как мы определились с тем, что есть «свойства» гениальности, нам следует

спросить: "А в самом ли деле эти свойства связаны с "гениальностью"?"

4. Если это так, каковы причины или характер этой связи?

Цель Аристотеля не в том, чтобы на четыре данных вопроса получить четыре разных ответа, а в том, чтобы свести их к одному, то есть к "первоначалу".

Согласно Аристотелю, "знать, что именно есть, и знать, почему есть, означает... одно и то же." (*Op. cit., II 2, 90 a 31*)

"...Очевидно, что вопрос "что есть" и вопрос "почему есть" — одно и то же. Что такое затмение Луны? Лишение Луны света вследствие загораживания ее Землей. Почему происходит затмение? Или: почему Луна затмевается? Потому что Луна лишается света загораживающей ее Землей". (*Op. cit., II 2, 90 a 14–18*)

Данное утверждение подразумевает наличие прочной взаимосвязи между знанием и приложением в системе Аристотеля и показывает, что «свойства» и «причины» отчасти равнозначны. Другими словами, если мы утверждаем нечто вроде: "Гений умеет сосредоточиться на ключевых вопросах", — тогда мы должны быть вправе сказать: "Умение сосредоточиться на ключевых вопросах есть причина гениальности". Истинным «первоначалом» в таком случае является то, которое обладает такой двойственностью. Оно не только «научает», но и «оповещает». Иными словами, подобное «начало» не только позволяет нам понять нечто, но и указывает, откуда оно берется и чем определяется.

Данные основные элементы, служащие одновременно и «свойствами» и «причинами» чего-либо, и были тем, что Аристотель назвал «средним», то есть находящимся между общим и конкретным знанием. Хотя Аристотель утверждал, что мы должны "продвигаться от общего к частному", мы не можем просто остановиться на частных. Как сформулировал Аристотель, "доказательство общего постигается умом, частного же — ограничено чувственным восприятием". Раз уж мы сумели расчлнить нечто на частные составляющие, мы должны уметь соединить их обратно, чтобы найти «среднее». Согласно Аристотелю, "во всяком исследовании ищут среднее", которое и есть то, что соединяет «общее» с "частным".

"Таким образом, при всех таких поисках спрашивают, есть ли среднее или что оно есть, ибо среднее есть причина и именно его ищут во всех таких случаях, например:

затмевается ли [Луна]? Есть ли этому какая-то причина или нет? После этого, когда мы узнали, что есть какая-то причина, мы спрашиваем: что же именно она есть?" (*Op. cit., II 2, 90 a 5–9*)

Из рассуждений Аристотеля следует, что вопрос: "Обладает ли Аристотель гениальностью?" — означает: "Существует ли причина, пробудившая гениальность в Аристотеле?" Если на первый вопрос мы ответим, что "Аристотель обладал гениальностью, потому что ставил фундаментальные вопросы", — мы одновременно будем подразумевать, что "постановка фундаментальных вопросов является причиной гениальности Аристотеля". «Причина» (постановка фундаментальных вопросов) является «средним» или связующим звеном между общим свойством «гениальность» и частным случаем «Аристотель». Выявление «первоначала» и является установлением такой причины.

Стратегия поиска "среднего"

Коль скоро мы начали задавать вопросы, необходимо научиться получать на них исчерпывающие ответы. Нас может заинтересовать, к примеру, как именно следует заниматься поиском взаимосвязей, «первоначал», "основных причин" и «общего» в пределах частного? Во

"Второй аналитике" Аристотель приводит специальное описание своей стратегии «сочленения» частных с получением более «универсальных» свойств.

"Искать же при этом следует, обращая внимание на подобное, т. е. неразличимое по [виду], и прежде всего на тождественное в каждом..." (*Op. cit.*, II 13, 97 B 6–7)

В качестве иллюстрации Аристотель приводит следующий пример:

"... Если мы хотим выяснить, что такое благородство, то следует у некоторых благородных людей, которых мы знаем, посмотреть, что же тождественного имеется у них всех как благородных людей; например, если Алкивиад благороден или Ахилл и Аякс, то что же тождественного у них всех? То, что они не терпят бесчестья, ибо [из-за] этого один начал войну, другой был охвачен бурным гневом, третий лишил себя жизни". (*Op. cit.*... II 13, 97 b 15–19)

Алкивиад, Ахилл и Аякс являются "неразличимыми по виду" личностями, поскольку все они были афинскими полководцами, предпринявшими жесткие и решительные действия, обусловленные их собственным «благородством». В данном примере Аристотель ограничивается тремя случаями и, хотя он нигде не отмечает, насколько достаточным является данное число, можно предположить, что в случае его уменьшения мы не могли бы быть уверены, что полученное подобие будет достаточно общим. С другой стороны, в случае большого количества примеров анализ может стать громоздким и путаным.

Коль скоро мы нашли то, что является общим для первого ряда примеров, обратимся опять к Аристотелю. Он рекомендует обратить внимание:

"...в свою очередь, на другое, что хотя и принадлежит к тому же роду, что и те [вещи], и само оно одного и того же вида, но отличается от тех [вещей] [по виду]". (*Op. cit.*... II 13, 97 b 8–9)

Продолжая исследование того, что есть «благородство», Аристотель отмечает:

"...Следует обратить внимание на других [благородных], например на Лисандра или Сократа". (*Op. cit.*... II 13, 97 b 20)

Лисандр и Сократ относятся к одному виду (человек) и "неразличимы по роду" с Алкивиадом, Ахиллом и Аяксом, поскольку также являются людьми «благородными», не будучи при этом "неразличимыми по виду", поскольку Лисандр был спартанским полководцем, а Сократ — философом.

Следующий шаг стратегии Аристотеля — выявление какого-либо сходства между членами второй группы:

"Если же для этих вещей взято то, что есть во всех них тождественного и точно так же и для других [видов], то относительно тех и других следует снова рассматривать, нет ли у них чего-то тождественного, пока не дойдут до одного понятия. Оно-то и будет определением вещи. Если же доходят не до одного [понятия], а до двух или больше, то ясно, что искомое имело бы не одну суть, а несколько". (*Op. cit.*, II 13, 97 B 10–15)

То, что Аристотель подразумевает под «тождественным», есть | некоторое качество, присущее обеим группам сопоставляемых вещей. Далее он поясняет на примере Лисандра и Сократа:

"Если же они остаются невозмутимыми и в счастье и в несчастье, то, уловив оба [признака], я обращаю внимание на то, что есть тождественного в невозмутимости при превратностях судьбы и нетерпимости к бесчестию. Если же у них нет ничего [тождественного], то было бы два рода благородства". (*Op. cit.*, II 13, 97 b 20)

В конечном итоге, Аристотелева стратегия анализа представляет собой «индуктивный» процесс, состоящий из следующих этапов:

1. Подбор группы сходных образцов чего-либо, обладающих общим качеством, являющимся предметом анализа.
2. Сравнение этих образцов и поиск некоего общего для них качества.
3. Подбор второй группы из других образцов, обладающих тем же качеством, и подобное же сравнение.
4. Сопоставление качества, объединяющего первую группу, с качеством, объединяющим вторую группу. Определение наличия общего качества для обеих групп.

Если объединяющее качество *группы 1* имеет что-либо общее с объединяющим качеством *группы 2*, то это значит, что мы еще на шаг продвинулись в направлении "первоначала".

Разумеется, процесс может быть продолжен с привлечением все новых групп, пока мы наконец не обнаружим единое качество, присущее всем представителям данного рода без исключения. Каждое последующее сравнение будет вести нас ко все более и более мелким членениям, состоящим из простых и все более обедненных содержанием элементов. Группа образцов является членением довольно крупного масштаба. Качество, объединяющее эту группу, — меньшим и более простым. Качество, общее для объединяющих элементов *группы 1* и *группы 2*, является еще более мелким и простым, и т. д.

Чтобы применить стратегию Аристотеля к изучению «гениальности» вместо «благородства», нам следует прежде всего обозначить группу "неразличимых по виду личностей", каждой из которых присуще это качество. К примеру, мы можем подобрать группу ученых, считающихся обладавшими «гениальностью», — например, Альберт Эйнштейн, Никола Тесла, Грегори Бейтсон, да и сам Аристотель. Далее нам следует рассмотреть, какие у них есть общие "элементы".

Затем мы повторим процесс с другим набором лиц, которые являются "неразличимыми по роду, но не по виду". Например, мы можем подобрать людей, которые также считались гениями, но были не учеными, а созидателями или людьми искусства — Моцарт, Леонардо да Винчи и Уолт Дисней. Далее нам следует определить, что общего было между всеми тремя.

Следующим шагом будет выяснение, имеют ли «элементы» или качества, общие для ученых, также нечто общее с качествами, общими для созидателей и людей искусства. Если нет, то мы можем на этом остановиться, заключив, что гениальность научная и гениальность художественная суть два различных «рода» гениальности. Если же обе группы и в самом деле обладают некими общими качествами, это будет означать, что мы нашли потенциальное "определяющее условие или первоначало" гениальности. Мы можем далее повторить процесс с другой выборкой «гениальных», в которую, например, входили бы психотерапевты и врачи, — Милтон Эриксон, Зигмунд Фрейд и Мойша Фельденкрайз.

Данная серия работ во многом основывалась именно на этой стратегии.

"Силлогизм" как выражение "первоначал"

Разумеется, обнаружение общих элементов и причин является лишь первым шагом. Мы должны также уметь излагать свои выводы и давать оценку их значимости и практической ценности. Аристотель был признан гением не столько из-за накопленных им знаний, сколько из-за того, что он сумел сообщить о своих познаниях. Его способность изложить «первоначала» оказалась столь же важна, как и способность открыть их. Аристотелева стратегия выявления взаимосвязи между общим и частным путем нахождения «среднего» или причины стала основой его знаменитых «силлогизмов». Аристотель определил понятие «силлогизма» как языкового построения, служащего для выражения проистекающих из его анализа принципов. В "Первой аналитике" он так пояснил это:

"Силлогизм же есть речь, в которой, если нечто предположено, то с необходимостью вытекает нечто отличное от положенного в силу того, что положенное есть". (*Первая аналитика, I 1, 24 a 18–20*)

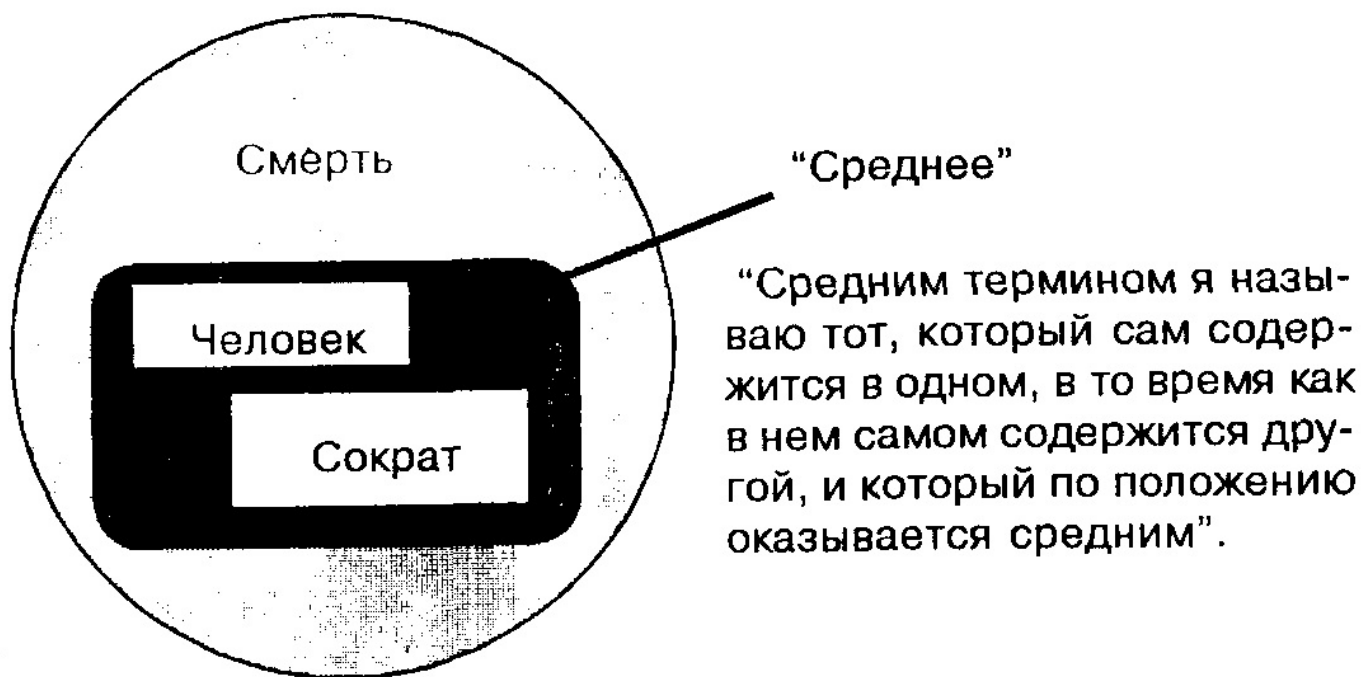
В сущности, силлогизм наводит мосты между знанием и его практическим применением, сосредоточиваясь на последствиях этого знания. Выражаясь данным языком, знание становится рабочим инструментом или, как назвал его Аристотель, — *органом* (что означает буквально "орудие труда").

Коль скоро принцип получил определение посредством ранее описанной «индуктивной» стратегии, он может быть применен и «дедуктивно» — через структуру силлогизма. «Силлогизм» определяет взаимосвязь между «вещами» и сопутствующими им «свойствами». Строго говоря, силлогизм соотносит свойства общего класса с «частными» составляющими данного класса, как явствует из классического примера:

Все люди смертны. Сократ человек. *Сократ смертен.*

"Средний термин" есть свойство или причина, связующая данный класс с его отдельными членами. Аристотель дал ему следующее определение: "*Средним термином я называю тот, который сам содержится в одном, в то время как в нем самом содержится другой, и который по положению оказывается средним*".

В примере с Сократом «человек» является одним из свойств, связывающих конкретное лицо — «Сократа» с первичным условием — "быть смертным". В обобщенном виде структура силлогизма будет представлять собой следующее:

Определение "среднего термина" в силлогизме

Явление или класс вещей имеет некоторое свойство или причину.

Конкретная ситуация или личность обладает этим свойством или причиной.

Данная конкретная ситуация или личность является примером или проявлением данного явления или класса вещей.

С точки зрения языка, силлогизм, как правило, имеет три «термина»: два «крайних» — А (общий класс вещей или явлений) и В (конкретное лицо или явление) — и "средний" Б, связующий В с А. В примере с затмением Аристотель поясняет: "Пусть А обозначает затмение, В — Луну, Б — загоразживание Землей. В таком случае спрашивать, происходит ли затмение или нет, — значит спрашивать, есть ли Б или нет".

Таким образом, для того чтобы стать «орудием», результаты исследования должны быть выстроены следующим образом:

Б есть свойство или причина общего класса вещей или явлений А.

В есть конкретный случай, обладающий свойством или причиной Б.

В является примером или проявлением А.

В нашем исследовании: если "постановка фундаментальных вопросов" является «свойством» или «причиной» (Б) «гениальности» (А), мы можем построить следующий силлогизм:

Постановка фундаментальных вопросов (Б) является свойством гениальности (А).

Аристотель (В) ставил фундаментальные вопросы (Б). Аристотель (В) был гениален (А).

При подобном построении, как полагал Аристотель, знание, примененное на практике, может принести плоды.

Модель SOAR

Построения Аристотеля во многом отражают наиболее передовые на сегодняшний день модели искусственного интеллекта. В частности, они поразительно сходны с моделью SOAR — общей моделью решения задач и самообучающейся системой, разработанной Аденом Невелом, Гербертом Саймоном и Клиффордом Шоу в пятидесятых годах нашего века. Она была впервые использована для создания компьютерных шахматных программ. Составленные с ее помощью шахматные программы гроссмейстерского уровня и по сей день остаются наиболее ярким примером практического применения искусственного интеллекта.

SOAR является сокращением от "State-Operator-And-Result" ("Состояние-Оператор-и-Результат"). Данная модель определяет существеннейшие этапы переходных процессов в любой системе. «Состояние» определяется по взаимоотношениям с более крупным "проблемным пространством". «Операторы» стимулируют новое состояние путем изменения некоторых параметров прежнего. Желаемое состояние достигается рядом последовательных "переходных состояний", приводящих в итоге к цели.

"В соответствии с моделью, вся умственная деятельность, направленная на решение поставленной задачи, происходит в пределах познавательной области, называемой проблемным пространством. Проблемное пространство, в свою очередь, состоит из ряда состояний, описывающих положение вещей в любой момент времени, и из ряда операторов, описывающих, как решающий задачу может изменить положение вещей переходом из одного состояния в другое. В шахматах, например, проблемным пространством будет являться [набор параметров, определяющих] "партию в шахматы" [т. е. противники, шахматная доска и т. д.], состояние будет включать в себя конкретные положения на шахматной доске, а оператором будет являться сделанный по правилам ход, к примеру "пешка Е—2, Е—4". Решающий задачу должен найти такую последовательность операций, которая приведет его из данного начального состояния (фигуры расставлены перед началом партии) и до состояния выполнения задачи (мат королю противника)". (Уолдрон, 1988)

После определения необходимых параметров решающий задачу должен выработать стратегию поиска последовательности операций, способную привести из начального состояния в желаемое. Это выполняется на основе иерархии правил «состояние-действие», формулируемых в виде: "ЕСЛИ наблюдается такое-то состояние, ТО необходимо применить такую-то последовательность операций". В случае тупиковой ситуации, когда продвижение к цели невозможно, задача «расчленяется» на ряд субцелей и субоператоров, пока не будет найден новый путь к цели. Эти новые «членения» заносятся в память наряду с остальными правилами «состояние-действие». Следуя данному пути, решающий задачу переходит от руководящей стратегии «проб-и-ошибок» (новичок) через стратегию "восхождения к вершине" (выполнение кажущегося наилучшим на данный момент) к стратегии на базе анализа «средства-цели» (эксперт).

Построения, принятые в SOAR, лежат в основе процесса моделирования НЛП. Принципы SOAR дают нам метастратегию или метамодель, опираясь на которую можно определить и разработать эффективные макро- и микростратегии. SOAR предоставляет самую основательную базу для моделирования эффективной деятельности в совершенно различных областях. Если в качестве иллюстрации взять компьютер, то *проблемным пространством* будет процессор и периферия, способные породить множество различных *состояний*, а команды программного обеспечения будут операторами, которые, осуществляя изменения в этих состояниях, приходят к определенным результатам.

Если вновь обратиться к началу Книги «Бытия», небо и земля будут представлять собой проблемное пространство, на котором Бог осуществляет ряд операций, чтобы получить ряд все более облагороженных состояний, завершающийся сотворением "мужчины и женщины".

Аристотелев подход к познанию очень напоминает модель SOAR. Физика, логика, риторика, политика и т. д. — являются "проблемными пространствами". Аристотель приступает к определению данных проблемных пространств с выявления "*начал, причин и элементов*", из которых они образованы. Явления, образующие каждую из данных областей, представляют собой различные состояния в пределах данного проблемного пространства. Далее Аристотель производит «разукрупнение» от "общего к частному", с каждым разом выявляя все больше деталей. Искомые Аристотелем "средние термины" и «причины», по сути — не что иное, как операторы, определяющие и влияющие на состояния в пределах проблемного пространства. Аристотелевы силлогизмы являются правилами «состояние-действие», определяющими процесс познания в схеме модели SOAR.

Таким образом, при моделировании метастратегий гениев необходимо учитывать и то, как эти люди выявляли и определяли проблемное пространство, ставшее предметом их деятельности, и выделяли и раскладывали на составляющие соответствующие желаемые и переходные состояния в пределах этого пространства. И самое главное — нам предстоит обнаружить операторы, с помощью которых они прокладывали себе путь в проблемном пространстве, двигаясь к желаемым состояниям.

Основные типы причин

Общие «элементы», "средние термины" и «причины», искомые Аристотелем, по сути своей являются «операторами» модели SOAR. Когда мы задаемся вопросом, что же явилось

«причиной» гениальности в той или иной области, мы как бы спрашиваем: "Какие операторы или операции позволили этому гению достичь прославивших его высот?" Таким образом, основным вопросом данного исследования можно считать выявление этих типов операций или причин.

Согласно Аристотелю ("Вторая аналитика"), существует четыре основных вида причин: 1) «формальные» — "суть бытия [вещи]";

2) «предшествующие», «побудительные» или «ускоряющие» — "то, при наличии чего необходимо есть что-то [другое]"; 3) «воздействующие» или «сдерживающие» — "первое двигавшее"; и 4) «конечные» — "то, ради чего".

Формальные причины

Формальные причины соотносятся с основополагающими определениями и восприятиями чего-либо. "Формальная причина" некоего явления содержит определение его сущности ["сущности бытия"]. Мы называем «лошадью» бронзовую статую лошади, поскольку она обладает формой, или «формальными» признаками лошади (т. е. имеет четыре ноги, хвост, гриву и т. д.)

Как правило, формальные причины больше говорят о воспринимающем, чем о воспринимаемом. Чтобы дать определение формальным причинам, прежде всего следует проанализировать наши собственные ощущения и схемы мышления, нацеленные на воспринимаемый предмет. Когда такой художник, как Пикассо, изображает «козлиную» голову при помощи руля и седла велосипеда, он фактически прибегает к "формальным причинам", поскольку берет существеннейшие элементы конкретной формы.

Данный тип причин относится к тому, что Аристотель определил как «нус» ("noys" — ум), или, говоря современным языком, — к "интеллектуальной интуиции". Прежде чем рассмотреть с научных позиций такие понятия, как физика, этика, благородство или гениальность, мы должны заранее представлять, что таковые явления вообще существуют. При анализе того, что является «благородством», интуиция ("нус") прежде всего должна подсказать нам, в каких именно людях мы можем ожидать исследуемое свойство. В формулировке Аристотеля это выглядит так:

"...Так как только нус может быть истиннее, чем наука, то он будет иметь своим предметом начала; это видно также из того, что доказательство не может быть началом доказательства, а потому и наука не может быть началом науки. Таким образом, если помимо науки не имеем никакого другого рода истинного [познания], то началом науки будет нус". (Вторая аналитика, II 19, 100 b 11–15)

К примеру, при изыскании формальных причин гениальности потребуется рассмотреть все наши основные определения, предположения и интуитивные представления, касающиеся того, что есть гениальность. Мы, например, можем сказать: "Аристотель был гением, поскольку людей, так же как и он, глубоко и всесторонне повлиявших на наше общество, мы называем гениями". Моделирование формальных причин гениальности данного конкретного лица потребует принятия в расчет тех постулатов, на которые данное лицо опиралось в областях, где проявился его гений.

Предшествующие причины

Предшествующие, или побудительные причины относятся к прошлым событиям, действиям или решениям, влияющим на настоящее положение вещей через линейную цепь "действий и противодействий". Это, пожалуй, наиболее общая форма нестрогих рассуждений, к которым мы прибегаем для описания чего бы то ни было. Мы, к примеру, можем сказать: "Человек срубил

дерево, потому что недавно купил новый топор". Или: "Дерево упало, потому что человек сделал большую зарубку топором на его стволе".

Предшествующая или побудительная причина

Исследование побудительных причин гениальности сопряжено с поиском цепи событий в биографиях гениев, повлиявших на развитие их исключительных способностей, будь то их генетический код или приобретенный опыт. Например, мы можем сказать: "Гений Аристотеля был следствием его обучения в Афинской Академии у Платона и Сократа и интереса к биологии и научному знанию, которые он унаследовал от своего отца, придворного медика.

Сдерживающие причины

Сдерживающие причины включают в себя текущие взаимоотношения, предположения и ограничивающие условия (либо отсутствие ограничений) в пределах системы, сохраняющей свое состояние (независимо от цепи событий, приведших к ее появлению). Примером такой причины может быть высказывание: "Человек срубил дерево потому что из-за плохой погоды не мог пойти дальше в лес и срубить другое дерево". Или "Дерево упало, потому что сила тяжести тянула его к земле и не давала ему возможности стоять".

Поиск сдерживающих причин гениальности повлечет за собой изучение внешних обстоятельств, сопровождавших гениальную личность в период ее расцвета, включая общественные условия в целом, а также принятие и поддержку со стороны окружающих. Например, мы можем сказать: "Гений Аристотеля проявился благодаря тому, что афинская система правления и его положение наставника Александра Македонского дали ему возможность сосредоточиться на интересующих его предметах. У Аристотеля не было значительных конкурентов, потому что в то время лишь немногие имели представление о научном мышлении, а образование было доступно лишь правящему классу. Многие из его наиболее значительных работ были воссозданы по записям его лекций и изданы его учениками". В природных условиях сдерживающие причины, как правило, более «системны», и их можно охарактеризовать как потенциально присутствующие, но не проявившиеся, в отличие от тех, которые дали о себе знать естественным образом.

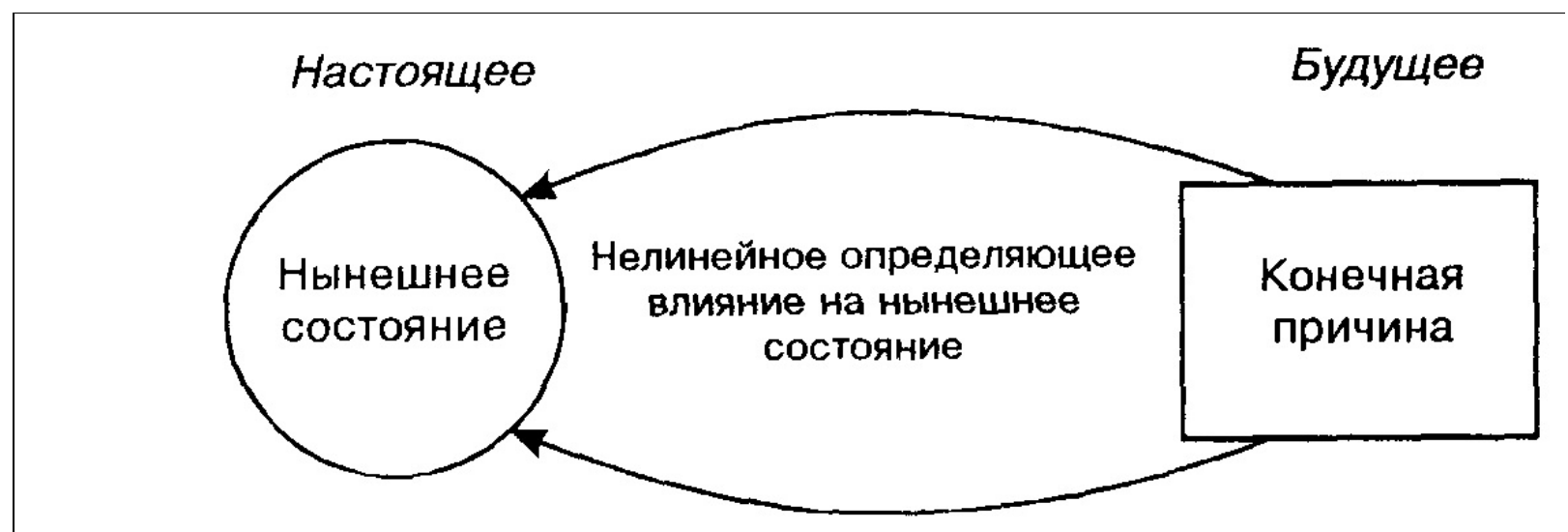
Конечные причины

Конечные причины относятся к будущим задачам, целям или перспективам, которые направляют или оказывают влияние на состояние системы в данный момент, определяя смысл, значение или ход текущих событий. Конечные причины служат также подоплекой самого существования отдельных вещей. В этом смысле конечные причины часто соотносятся с назначением и местом отдельных вещей в более крупных системах, органической частью которых они являются. В своих работах по биологии Аристотель наиболее подробно рассмотрел этот тип причинно-следственных связей — осмысленную цель природы, которую он отличал от механических причинно-следственных связей, имеющих место только в неорганической среде. Так, пытаясь найти предшествующие причины в механической среде и неживой природе,

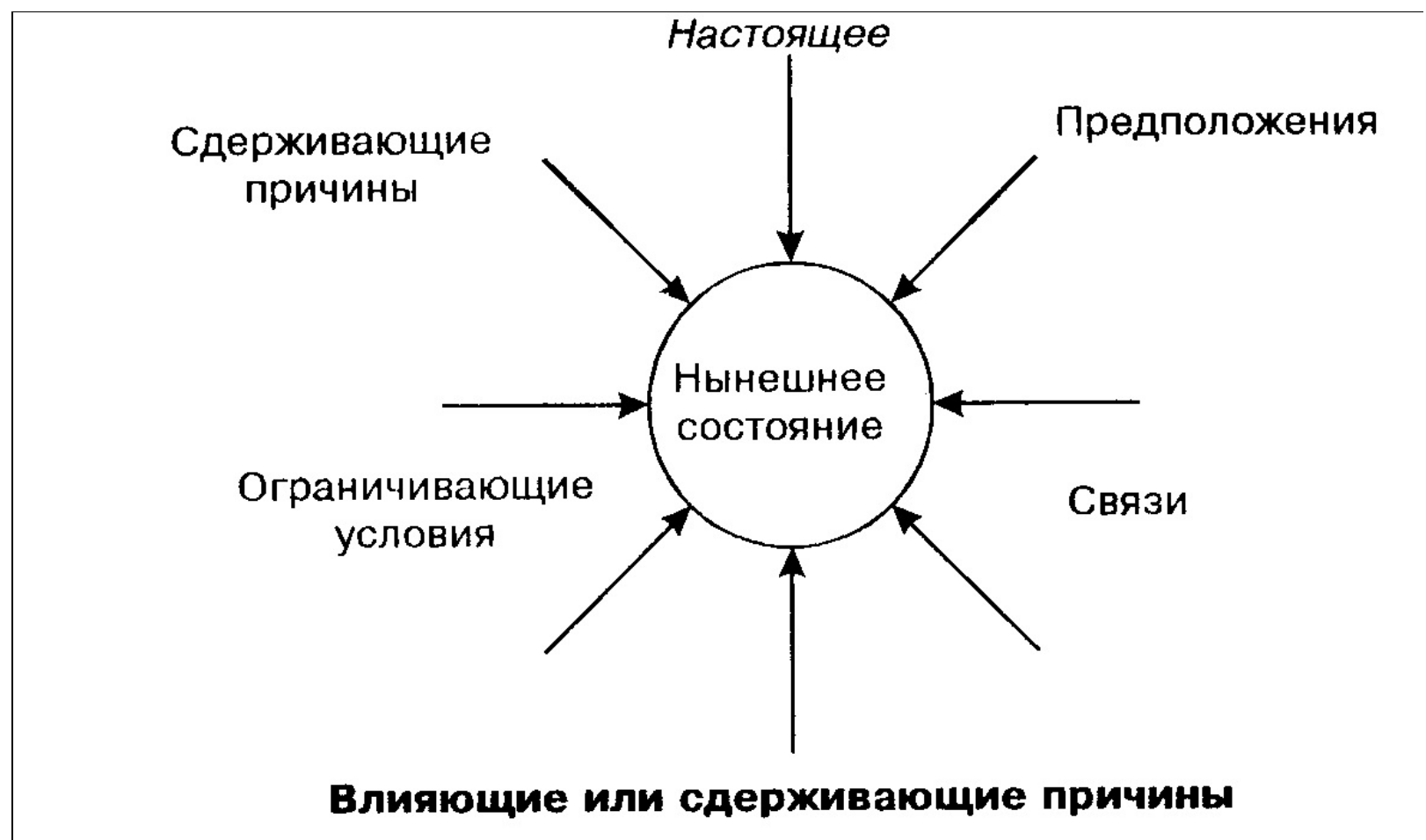
Аристотель открыл, что конечные причины чаще всего обнаруживаются в сфере разума и явлениях живой природы или, говоря его словами:

"И цель, ради которой [что-либо происходит], и начало исходят из определения и рассуждения..." (Физика, В 9, 200 а 34–35).

Он замечает, что при сжигании желудь уничтожается механически, но, если будет возможность, он превратится в дуб. Рассуждая в терминах конечных причин, мы можем выразить это так: "Из желудя выросло дерево, поскольку по природе желудь должен превратиться в дерево".

Конечная причина

Поиск конечных причин гениальности потребует рассмотрения намеченных целей, задач и желаемых результатов, которые направляли и воодушевляли дела и помыслы исследуемых нами личностей. Понадобится также изучить их личностную самооценку в конкретных природных и социальных системах. В частности, можно сделать следующее утверждение: "Гений Аристотеля проявился благодаря тому, что он был постоянно охвачен желанием открывать и делать всеобщим достоянием первоначала, объединяющие и приводящие в равновесие всю систему мироздания".

Разумеется, ни одна из этих причин в отдельности не сможет дать полной картины искомого. Современная наука занимается главным образом поиском механических причин, то есть тех, которые Аристотель называл предшествующими причинами. Рассматривая явление с научной точки зрения, мы стремимся найти цепь причинно-следственных связей, вызвавшую это явление. Мы, например, говорим: "Вселенная образовалась в результате "большого взрыва", который произошел миллиарды лет тому назад". Или: "Данная организация преуспела, поскольку она предприняла конкретные шаги в конкретные моменты времени". Эти заключения, разумеется, весьма важны и полезны, но они не дают нам полной картины явления.

Выяснение формальных причин «вселенной» или "преуспевшей организации" потребует некоторых предположений и определенного понимания данных явлений. Что именно мы подразумеваем под «вселенной», «успехом» или «организацией»? Каковы наши представления об их строении и «природе»? (Именно такого рода вопросы привели Альберта Эйнштейна к пересмотру всех наших представлений о времени, пространстве и строении вселенной.)

Поиск сдерживающих причин потребует рассмотреть, за счет чего сохраняется целостность структуры данного явления, независимо от причин его появления. Если вселенная продолжает расширяться после "большого взрыва", то чем в настоящий момент определяется скорость ее расширения? Какие сдерживающие факторы могут остановить расширение вселенной? Какие сдерживающие обстоятельства или их отсутствие могут вызвать внезапное банкротство или, наоборот, неожиданный успех данной организации, независимо от ее предыдущей истории?

Поиск конечных причин потребует исследования необходимости и целевого назначения данного класса вещей по отношению к остальному миру. Есть ли у Вселенной какой-либо план или причина всему — игра случая? Какие цели должна ставить себе организация и чем руководствоваться, чтобы преуспеть?

Те же самые соображения важны и для целей нашего исследования. Попытка обнаружить *формальные причины* гениальности заставляет рассматривать ее как функцию определений и предположений, сделанных нами в отношении жизни и деятельности данной личности. Поиск *побудительных причин* заставляет нас рассматривать гениальность как результат стечения особых обстоятельств и особого опыта, имевших место в жизни данного лица. Обнаружение *сдерживающих причин* дает нам основания рассматривать гениальность как нечто, вызванное совершенно особыми обстоятельствами в жизни данного лица; изучение *конечных причин* — основания поверить, что гениальность является либо результатом личных мотиваций, либо судьбой.

Роль восприятия времени

Кажется вполне очевидным, что различные типы причин у Аристотеля подразумевают различную временную соотнесенность между явлениями. Предшествующие причины относятся к прошлому, в то время как конечные — к будущему. Сдерживающие причины относятся к настоящему. И только формальные причины напрямую не связаны со временем.

Для Аристотеля понятие времени, как и другие концепции, было «инструментом», который можно применить совершенно по-разному. В своей «Физике» он не без юмора вопрошает о существовании времени:

"Что время или совсем не существует, или едва [существует], будучи чем-то неясным, можно предполагать на основании следующего. Одна часть его была, и ее уже нет, другая — будет, и ее еще нет; из этих частей слагается и бесконечное время, и каждый раз выделяемый [промежуток] времени. А то, что слагается из несуществующего, не может, как кажется, быть причастным существованию". (Физика, (10, 217 b 33-218 a 3)

Разумеется, одно из важнейших достижений процесса моделирования — это организация соответствующих познавательных и поведенческих воздействий во временные последовательности. Способ организации событий и их распределения во времени может в значительной степени повлиять на ожидаемые от них результаты.

Точно так же, как Аристотель указывал на разную значимость различных типов причин для органических (в отличие от механических) процессов, он, вероятно, так же по-разному оценивал степень влияния фактора времени на различные классы вещей. В случае механических причинно-следственных связей Аристотель, как правило, опирался на традиционные представления о времени как о явлении линейного характера. Предшествующие причины, к примеру, образовывали непрерывную линейную последовательность противодействий. Он поясняет это так:

"И действительно, мы и время распознаем, когда разграничиваем движение, определяя предыдущее и последующее, и тогда говорим, что протекло время, когда воспримем чувствами предыдущее и последующее в движении. Мы разграничиваем их тем, что воспринимаем один раз одно, другой раз другое, а между ними — нечто отличное от них; ибо когда мы мыслим крайние точки отличными от середины и душа отмечает два «теперь» — предыдущее и последующее, тогда это [именно] мы и называем временем, так как ограниченное [моментами] «теперь» и кажется нам временем... Время есть не что иное, как число движений по отношению к предыдущему и последующему... В некотором отношении оно соответствует точке, так как точка и соединяет длину и разделяет: она служит началом [одного] отрезка и концом другого". (Физика, (11, 219 a 21-219 b 2, 220 a 10-13)

Данный способ представления времени в виде «точек» или «отрезков» прямой для численного выражения событий, где настоящее или «теперь» есть «последующее» по отношению к прошлому и «предыдущее» по отношению к будущему, был с тех пор взят на вооружение и активно применяется учеными и всеми, кто занимается планированием. Фактически "линии времени" стали основным способом мышления о времени в западной цивилизации.

В распоряжении базовой модели НЛП имеются две основные перспективы времени — восприятие явления "включенным во время" и "сквозь время"*.

"Понятие линий времени "включен во время" и "сквозь время" впервые было разработано в НЛП в 1979 г. и связано с появлением моделей так называемых «метапрограмм». Исследование других форм восприятия времени проводилось мной и Ричардом Бэндлером в начале 80-х годов. Методическое применение линий времени проводится с середины 80-х годов.

При восприятии события "сквозь время" позиция для наблюдения выбирается вне последовательности событий, с полным абстрагированием от наблюдаемого или моделируемого. При такой перспективе "линия времени", как правило, наблюдается таким образом, что «ранее» и «после» — линии расходящиеся соответственно влево и вправо, «теперь» при этом находится где-то посередине.

Для восприятия события "включенным во время" наблюдательная позиция должна выбираться в привязке к развивающемуся событию. При такой позиции «теперь» становится настоящим физическим положением наблюдателя; будущее — линией, идущей в том направлении, куда он обращен лицом, а линия прошлого уходит в диаметрально противоположную сторону. Таким образом, наблюдатель устремлен в будущее, оставляя прошлое позади себя.

Линия времени "во времени"

Две данные перспективы, представленные либо наглядным изображением, либо посредством реального физического пространства, создают два различных восприятия одного и того же события. Перспектива "сквозь время" удобна для качественного анализа, но более пассивна в силу своей оторванности от наблюдателя. Перспектива "включен во время" более активна и подразумевает непосредственное участие, но чревата "утратой видения целого".

Однако с позиций Аристотеля два данных линейных метода восприятия и измерения времени в сущности едины, что, в первую очередь, справедливо для механических причин. Влияние времени на биологические и мыслительные процессы он оценивал по иному:

"Отсюда и обычная поговорка: человеческие дела называются круговоротом и переносят это название на все прочее, чему присущи природное движение, возникновение и гибель. И это потому, что все перечисленное оценивается временем и приходит к концу и к началу, как бы определенным образом чередуясь, ибо и само время кажется каким-то кругом... Таким образом, называть совершающееся [в мире] вещей круговоротом — значит утверждать, что существует какой-то круг времени, — и это потому, что время измеряется круговращением". (*Физика*, (14, 223 Б 24–35))

Таким образом, время, относящееся к механическим процессам, основывающимся на восприятии «предыдущего» и «последующего», границей между которыми является «теперь», может быть представлено классической "линией времени". Тем не менее, время, относящееся к органическим процессам, которым "присущи природное движение, возникновение и гибель", может быть представлено в форме кругов и "циклов".

"Круговая" или циклическая линия времени

Каждый из этих способов восприятия времени вынуждает нас уделять различное внимание различному виду причин. К примеру, линия времени "сквозь время" требует рассмотрения предшествующих, или побудительных, причин. Перспектива "включен во время" делает акцент на сдерживающих причинах. Для циклической линии времени необходимы конечные и формальные причины.

Подобным же образом разные типы линий времени в различной степени пригодны для

разных стадий процессов. К примеру, при подготовке к совершению каких-либо физических действий сподручнее использовать линию времени "включен во время". Разработка плана действий или оценка собственных возможностей потребует более широкого взгляда на вещи, что позволяет линия времени "сквозь время". Процессы, связанные с убеждениями и личностями, лучше всего представлять в виде циклов, поскольку они заключают в себе повторяющиеся во времени элементы чаще, чем одноразовые линейные события.

В нашем исследовании необходимо рассмотреть роль фактора времени во всех представленных перспективах. Линия времени "сквозь время" позволит нам выявить и описать особые и разграниченные последовательности действий. Линия времени "включен во время" облегчит нам задачу "побыть на месте" моделируемых нами гениев и увидеть их действия во временной последовательности так, как они представлялись им самим. Восприятие событий в «круге» или «цикле» времени выявит повторяющиеся элементы, поможет разглядеть процессы в их целостности и определить, как различные шаги соотносятся с "естественным движением" целого.

Оценка собственных посылок

Если при анализе мы будем исходить из различных причин, то это приведет нас к отличающимся выводам. В свою очередь, если рассматривать события, по-разному представляя время их совершения, то наше восприятие этих событий также будет меняться. Таким образом, необходим какой-то способ оценки выводов, полученных в результате исследований. Согласно Аристотелю, для обоснованности выводов о началах, между явлением и его свойствами или причинами, открытыми нами, должна существовать прочная «универсальная» взаимосвязь. Эту взаимосвязь Аристотель и назвал «посылкой» вывода.

"Всякая же посылка есть посылка или о том, что присуще, или о том, что необходимо присуще, или о том, что возможно присуще; и из них в соответствии с каждым способом высказывания одни утвердительные, другие отрицательные". (*Первая аналитика*, 12, 25 а 1–4)

В первом случае мы можем утверждать, чем нечто является или чем оно не является. Например, можно сказать, что человек *есть* живое существо и что человек *не есть* растение.

Что касается посылок второго вида, то мы можем утверждать, что человек *должен обладать* способностью владеть речью и что человек *не должен иметь* хвост.

В третьем виде посылок мы можем сказать, что некоторые люди *могут* ваять статуи, или что некоторые люди *не могут* говорить по-гречески.

Данные виды посылок являются двумя первыми терминами «силлогизма»: (А) общий класс вещей и (Б) «среднее» или причины и свойства, присущие общему классу вещей. Значимость этих двух терминов определяет значимость любого сделанного на их основе вывода.

Первая проверка всех этих посылок состоит в том, что Аристотель назвал "обратимостью":

"Посылка о присущем, если она *общеотрицательная*, необходимо обратима в отношении своих терминов; например, если никакое удовольствие не есть благо, то и никакое благо не есть удовольствие. [*Обще*]утвердительная же посылка, хотя и необходимо обратима, однако не в общую, а в частную; например, если всякое удовольствие есть благо, то какое-нибудь благо есть удовольствие;

из частных посылок утвердительная необходимо обратима в частную же (ибо если какое-либо удовольствие есть благо, то и какое-нибудь благо будет удовольствием), отрицательная же необходимо не обратима, ибо если некоторым живым существам не присуще быть человеком, то [отсюда не следует, что] какому-то человеку не присуще быть живым существом". (*Первая аналитика*, I 2, 25 а 5-14)

С точки зрения Аристотеля, для оценки «первоначала» в таком случае неизбежно потребуются поиск "обратных примеров" или исключений из правила, что с помощью процесса

«обращения» поставило бы под сомнение его "универсальность".

Однако значимость обратимости должна быть подтверждена наблюдением. Аристотель был убежден, что единственным надежным «доказательством» любого «первоначала» может быть только «демонстрация». Коль скоро начало было определено, оно должно быть использовано и оценено на практике. Другими словами, пригодность карты определяется тем, как хорошо она позволяет ориентироваться на местности. В своем трактате "О возникновении животных" Аристотель утверждал, что *"доверять следует прежде наблюдению, а затем уже теориям, а таковым лишь настолько, насколько они подтверждаются наблюдаемыми фактами"*.

Ценность процесса обращения состоит в том, что он подсказывает нам, где искать возможные обратные примеры. Так, если мы говорим: "У всех птиц есть крылья", то это значит, что мы не найдем птиц, не имеющих крыльев. С другой стороны, мы можем обнаружить живые существа с крыльями, но не относящиеся к птицам. Если мы говорим: "Нет птиц, не покрытых перьями", — то нам не удастся найти ни одного не покрытого перьями существа, которое было бы птицей.

Важным моментом в поиске обратных примеров на основе принципа обращения является выяснение силы зависимости, выраженной в посылке. К примеру, посылка может выглядеть следующим образом:

Все А имеют В или А есть причина В

Чтобы обнаружить обратный пример, нам прежде всего следует спросить:

Существует ли какое-нибудь А, не имеющее В? или Существует ли какое-нибудь А, которое не есть причина В?

Далее нам следует «обратить» термины и спросить:

Существует ли что-нибудь, что имеет В и не есть А?

или

Существует ли какое-нибудь В, причиной которого

не является А?

Для того чтобы свойство было действительно определяющим, не должно существовать никаких обратных примеров. Например, не все птицы умеют летать, но у всех птиц есть крылья. Тем не менее, не все существа имеющие крылья, — птицы. Насекомые и летучие мыши также имеют крылья. В прошлом крылья были и у летающих ящеров. Но если мы скажем, что все животные с крыльями и клювом — птицы, то вероятность найти обратные примеры значительно снижается.

Тот же самый процесс можно применить и в нашем исследовании. После выдвижения

гипотезы, основанной на обнаруженных в ряде примеров "общих элементах" и сформулированной в виде посылки, следует найти какие-нибудь обратные примеры. Таким образом, полагая, что все гении ставили фундаментальные вопросы, следует поискать примеры гениев, которые такие вопросы не ставили. Ставил ли Моцарт фундаментальные вопросы? Если да, то какие именно? Нам следует также выяснить, существуют ли люди, которые ставят фундаментальные вопросы, но гениями при этом не являются? Чем меньше обнаруживается обратных примеров, тем более «универсально» качество или причина.

Если обратный пример обнаруживается, это еще не означает, что наша посылка «неверна». Это значит, как правило, что исследуемая система или явление более сложно, чем мы предполагали, или мы еще не дошли до простейших элементов.

Аристотелева модель разума

Поиск универсальных причин или свойств предполагает, что нам известно, какие именно элементы следует искать в качестве возможных причин или свойств. В соответствии с предписаниями Аристотеля, мы должны искать "простейшие элементы". Каковы же тогда простейшие элементы, образующие «причины» и «свойства» гения? Очевидно, что они имеют отношение к «разуму». И хотя Аристотель ни строчки не посвятил гениальности, он уделил достаточно большое внимание природе разума. Многие из принципов, лежащих в основе НЛП, бесспорно, принадлежат Аристотелю. Он был одним из первых, кто пытался исследовать и классифицировать различные аспекты «разума» и процесса мышления. В своем трактате "О душе" Аристотель определил, что живым, а следовательно, имеющим «душу», или «psyche», является то, что обладает ощущениями и способно к самостоятельному перемещению.

"...Душа отличается главным образом двумя признаками: во-первых, пространственным движением; во-вторых, мышлением, способностью различения и ощущением..." (О душе, III 3, 427 a 16–18)

То, что нечто обладает «душой», определяется его способностью ощущать воздействия внешней среды, определять характер этих воздействий и приходить в движение в соответствии со своими ощущениями, обусловленными данными внешними воздействиями.

Данное определение хорошо согласуется с моделью обработки информации НЛП, где мозг рассматривается как микрокомпьютер, работающий по схеме ввод-вывод. Генерирование и координация двигательных актов осуществляется за счет функции распознавания поступающей информации.

В отличие от современных бихевиористов, Аристотель не считал данный процесс простым актом отражения. Как мы упоминали ранее, он утверждал, что *"и цель, ради которой [что-либо происходит], и начало исходят из определения и рассуждения..."* Таким образом, с точки зрения Аристотеля, весь психологический опыт организуется в направлении некой конечной цели. В результате ощущение и распознавание различий в ощущениях всегда происходит в соответствии с какой-либо целью. Всякое ощущение обретает значимость исходя из его отношения к «цели». Говоря другими словами, «душа» для Аристотеля означает способность обладать целью, ощущать свою причастность к ней и изменять свое поведение для достижения этой цели.

Уильям Джеймс (американский психолог, считающийся отцом когнитивной психологии) дал сходное определение разуму как способности обладать устойчивой целью при весьма широком выборе путей ее достижения.

"Следование намеченным целям и обладание набором средств их достижения есть, таким

образом, признак и показатель присутствия мыслительной способности в данном природном явлении".

Говоря языком НЛП, как Аристотель, так и Уильям Джеймс привели описание процесса TOTE (Миллер и др., 1960), в котором утверждается, что осмысленное поведение является функцией произведения тестов и операций, ведущих в направлении к некой устойчивой цели—"конечной причине". Как и SOAR, модель TOTE является основополагающей для процесса моделирования НЛП. Она также дополняет SOAR, определяя основные способы приведения в действие операторов. В частном случае TOTE обозначает конкретный проход через проблемное пространство. В этом смысле TOTE является базовой схемой индивидуальной макростратегии.

Модель TOTE

Аббревиатура **TOTE** является сокращением от "Test-Operate-Test-Exit" ("Тест-операция-тест-выход") и представляет собой классическую цепь обратной связи, посредством которой мы систематически изменяем состояния. Согласно модели TOTE, мы, как правило, воздействуем на состояние, изменяя его в интересах достижения цели. Мы постоянно проверяем текущее состояние на основе какой-либо характеристики или критерия, определяя, достигнута ли цель. Дальнейшие свои действия мы корректируем в соответствии с полученным результатом. То есть, прежде всего мы проверяем собственное отношение к цели. Если цель еще не достигнута, реакцией будет какое-то изменение действий. Таким же образом мы проверяем полученный результат и, в случае успеха, переходим к следующему этапу. В противном случае действия вновь корректируются и процесс повторяется с самого начала.

Таким образом, в терминах модели TOTE всякое разумное поведение организуется вокруг способности определить следующее:

- 1) Ясно поставленную цель в будущем.
- 2) Эффективную обратную связь через сенсорные свидетельства о продвижении к цели (налаженную "обратную связь").
- 3) Гибкость поведения, позволяющую варьировать действия так, чтобы достигать цели максимально легко и эффективно.

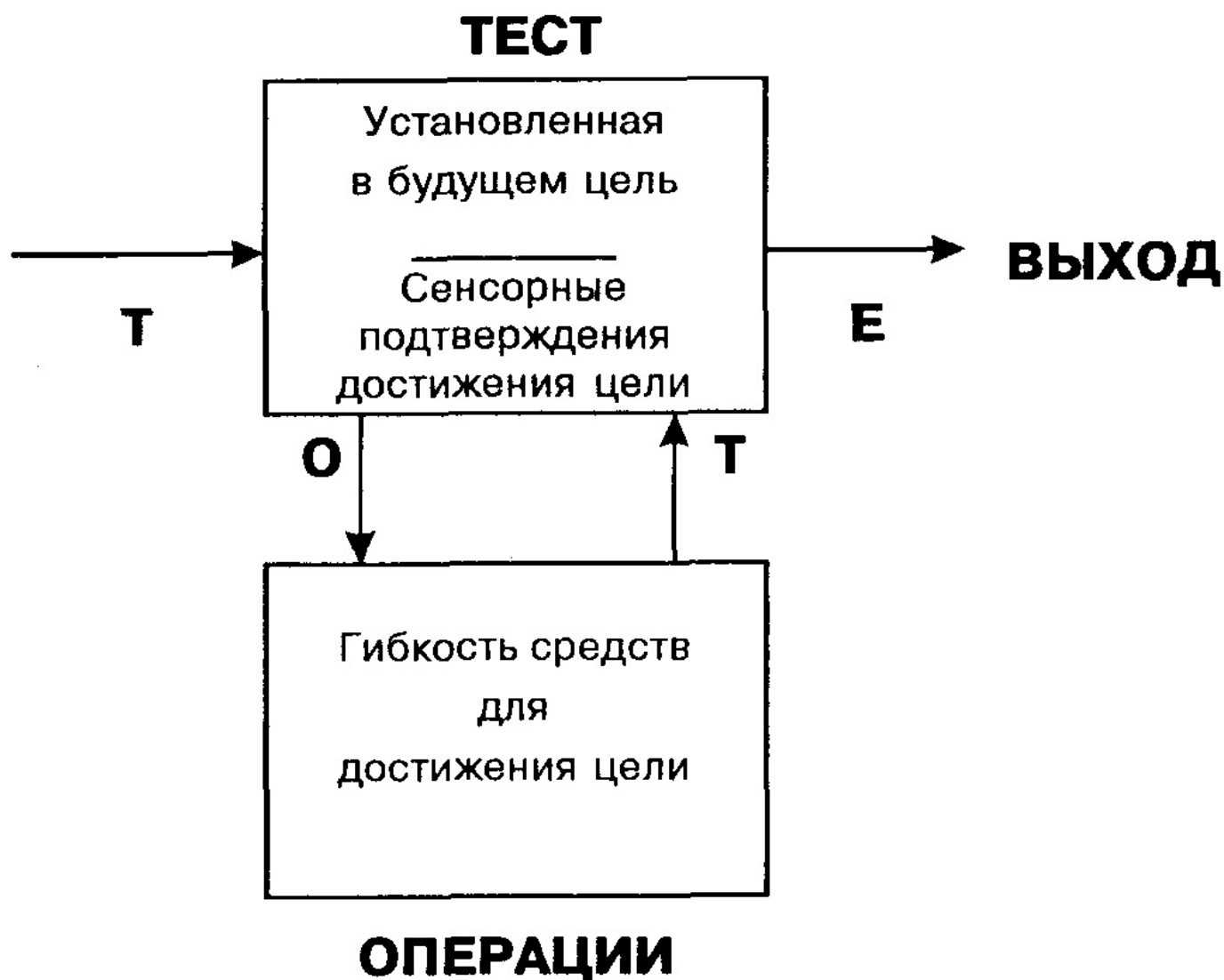

Схема классической цепи обратной связи ТОТЕ

В соответствии с аристотелевым определением "души живых существ", живое существо, организуя свою жизнедеятельность, придерживается модели ТОТЕ. Путем проверки (тестирования) оно «различает» свое продвижение к цели, избирая главным свидетельством сенсорное восприятие. Если же оно не достигает цели, то совершает определенные действия, повторяя попытки добиться данной цели.

Эта концепция в корне отличается от моделей Павлова и Скин-нера, которые определяли истинные процессы, происходящие за "поведенческой ширмой", как рефлекс и последовательность стимулов и реакций. Для Аристотеля разум не является рефлексом. «Душа» действует на ином уровне, нежели просто восприятие стимула, вызывающего ответную реакцию. Стимул, скорее, оказывает более или менее незначительное влияние, если только не соотносится с целью или "конечной причиной". В аристотелевой модели фактором, определяющим поведение, является не стимул, а цель.

Взгляд Аристотеля полностью совпадает с моими наблюдениями за собственным сыном, когда он в возрасте нескольких месяцев учился управлять своим телом. «Стимулы» никак не влияли на него, если только не совпадали с какими-то его внутренними целями или

намерениями. Вместо неосознанного и рефлексивного реагирования на внешние раздражители, его двигательная активность сосредоточивалась вокруг предметов, в которых он был внутренне заинтересован. Например, к нескольким своим игрушкам он с самого начала был явно неравнодушен, другие же полностью игнорировал. Он начал с ними играть, лишь когда заинтересовался ими из-за каких-то своих внутренних целей или устремлений. После этого он играл с ними, подключая цепь обратной связи ТОТЕ. Если ему хотелось что-нибудь достать, он «тестировал», прикидывая на взгляд расстояние между своей рукой и предметом, затем «действовал», пытаясь ухватить предмет рукой, промахивался, вновь «действовал», опять промахивался, но, уже приблизившись к цели, продолжал в том же духе и, наконец, добивался, чего хотел. После этого он «выходил» и обращал свой интерес к чему-либо еще. Все это более напоминает ориентированную на достижение цепь обратной связи, нежели реакцию на стимул.

Наблюдение за младенцами в первые недели и месяцы жизни (Bower, 1985) подтверждают также взгляд Аристотеля на поведение. В обычном эксперименте ребенок усаживался напротив привлекательной игрушки, например машины. По желанию ребенка игрушка двигалась с остановками. Чтобы машина остановилась, ребенок должен был попасть ступней поперек светового луча, что не позволяло машине сделать поворот. Чтобы она могла ехать дальше, ребенку следовало поднять ногу. Большинству детей было интересно, что машина то едет, то останавливается. Они живо оценивали ситуацию и быстро обнаруживали, что движение зависит от того, как они двигают ногой. Они начинали использовать сразу обе ноги и вскоре обнаруживали, что нужно делать, чтобы произошло событие, то есть движение или остановка автомобиля. Ранее теоретики придерживались мнения, что ребенок более всего был заинтересован в событии — «подкреплении» или вознаграждении, которое побуждало его учиться, то есть в самом автомобиле. Но затем исследователи начали убеждаться в том, что самым главным для ребенка было вовсе не событие, а поиск способов управления происходящим. Процесс познания сам по себе служил подкреплением — именно узнавание того, каким образом можно вступать в контакт и оказывать влияние на внешний мир служило подкреплением. Изменив соответствующим образом параметры эксперимента, исследователи смогли проверить, действительно ли ребенок более заинтересован в возможности управлять, нежели в самом событии. К примеру, если степень подконтрольности события уменьшалась, то есть, если, двигая ногой, ребенок не всегда мог остановить или привести машину в движение, то он повторял попытки до тех пор, пока не находилось решение. Отыскав решение, ребенок, как правило, довольно быстро охладевал к этому занятию, и возвращался к нему лишь изредка, дабы убедиться в том, что событие все еще ему подвластно.

В данном примере следует отметить два важных момента: 1) успешное применение способности «различения» и "пространственного движения" является самоподкрепляющим; и 2) человек учится влиять на окружающий мир только через взаимодействие, приспособляя свои реакции к цепи "обратной связи"*.

*В учебно-педагогическом процессе при использовании методов, основанных на раздражении и реакции, важно учитывать цели учащегося. Хорошая оценка, скорее всего, не будет восприниматься как награда, если только учащийся сам не хочет получить хорошую оценку. Денежное вознаграждение в качестве «подкрепления» не послужит мотивацией, если целью конкретного лица не является получение денег. В соответствии с моделью ТОТЕ, не существует подлинного внешнего подкрепления в скиннеровском смысле. Ничто не будет служить подкреплением, если не воспринимается как относящееся к целям самого человека (или животного).

ТОТЕ предоставляет в наше распоряжение основополагающие построения и категории, необходимые для разработки эффективных стратегий деятельности. Например, общая схема любой компьютерной программы, может быть описана в терминах особой модели ТОТЕ. Таким образом, в частности, работает программа проверки орфографии. Ее цель — обеспечить правильное написание слов. Она проверяет все слова в тексте и обнаруживает не соответствующие норме. Она сообщает об этом пользователю и вносит исправления.

Макростратегия просматривается также в начальных главах Книги Бытия. Каждый из дней творения есть своего рода ТОТЕ, когда Бог приступает к реализации конкретной цели своего творения ("И сказал Бог: да будет..."), предпринимает конкретные действия для ее достижения ("И создал Бог..."), а затем дает ей оценку ("И увидел Бог, что это хорошо".)

Для моделирования «макростратегий» гениев необходимо определить, как изучаемые нами лица использовали различные элементы ТОТЕ.

1. Каких целей они добивались?
2. Какими свидетельствами и способами их проверки они пользовались для создания цепей обратной связи, служащих определению их продвижения к цели?
3. Каким набором средств и методов они пользовались для достижения своих целей?

Ответив на данные вопросы, мы получим «макростратегию» данного человека. Например, исходя из того, что нам уже удалось выяснить об Аристотеле, мы можем определить его макростратегию следующим образом:

1. Целью Аристотеля было нахождение «первооснов» во всех явлениях природы.
2. Доказательство Аристотеля подразумевало наличие посылок, которые были бы одновременно и логическими и ("обратимыми" и без явных обратных примеров) и "наглядными".
3. Предпринимаемые Аристотелем шаги включали: а) изучение проблемного пространства путем постановки фундаментальных вопросов; б) нахождение «среднего» (основных причин и свойств, объединяющих общие принципы с частными примерами) с помощью индуктивного процесса, подразумевающего нахождение общих элементов, присутствующих в различных примерах данного явления; в) оформление результата в силлогизм, который можно проверить и продемонстрировать.

Микростратегии и пять чувств

Определение микростратегий подразумевает изложение познавательно-поведенческих подробностей проведения в жизнь конкретной макростратегии. В модели НЛП микростратегии связаны с тем, как человек использует свои сенсорные "репрезентативные системы" — мысленные образы, внутренний диалог, эмоциональные реакции и т. д. — для выполнения задачи или ТОТЕ. Как и НЛП, Аристотель охарактеризовал базовые элементы мыслительного процесса как неотделимые от нашего сенсорного опыта. Основной посылкой Аристотеля в этой связи было следующее: стремясь к достижению разнообразных целей, животные должны двигаться, а для этого им необходим сенсорный контакт с окружающим миром, направляющий это движение в соответствии с этими целями. Данный сенсорный контакт создает фундамент того, что станет «мыслью» и «умением». Во "Второй аналитике" он дает этому следующее описание:

"...Такая способность, очевидно, присуща всем животным, ибо они обладают прирожденной способностью различать, которая называется чувственным восприятием. Но хотя чувственное восприятие врожденно, однако у одних животных что-то остается от воспринятого чувствами, а у других не остается. Одни животные, у которых [ничего] не остается [от воспринятого чувствами], вне чувственного восприятия или вообще не имеют знания, или не имеют [знания] того, от чего не остается [никаких запечатлений]. Другие же, когда они воспринимают чувствами, что-то удерживают в душе. Если же таких [запечатлений] много, то возникает уже некоторое различие, так что из того, что остается от воспринятого, у одних возникает некоторое понимание, а других нет.

Таким образом, из чувственного восприятия возникает, как мы говорим, способность помнить. А из часто повторяющегося воспоминания об одном и том же возникает опыт, ибо большое число воспоминаний составляет вместе некоторый опыт. Из опыта же, т. е. из всего общего, сохраняющегося в душе, из единого, отличного от множества, того единого, что содержится как тождественное во всем этом множестве, берут свое начало искусство и наука: искусство — если дело касается создания чего-то, наука — если дело касается сущего". (*Вторая аналитика, П 19, 99 b 34-100 a 9*)

Аристотель определил основополагающий процесс мышления как индуктивный процесс с помощью которого: 1) "сенсорные восприятия" (sense-perception) оставляют впечатления в "душе";

2) впечатления, которые остаются, становятся «воспоминаниями»;

3) часто повторяемые «воспоминания» о каком-то конкретном явлении сливаются в «единый» или "универсальный опыт"; 4) совокупность данных универсалий образует фундамент для «искусства» и «науки». Таким образом, присущие нам умственные способности происходят из наших способностей использовать чувства для восприятия, а затем и для представления и запоминания воспринятого.

Если в НЛП термин "нервная система" заменить на слово «душа», то многое из описанного у Аристотеля будет отражать основные теоретические положения об умственных процессах, принятые в НЛП. Например, «универсалия», состоящая из ряда воспоминаний — *"из единого, отличного от множества, того единого, что содержится как тождественное во всем этом множестве"* — отражает исходную идею, лежащую в основе принятой в НЛП концепции логических уровней. Совокупность поступков образует основу способностей; совокупность способностей составляет основу убеждений и системы ценностей; совокупность убеждений и ценностей составляет основу ощущения человека как личности. Все эти уровни восприятия, однако, базируются на микроуровне через сенсорное восприятие.

В своем трактате "О душе" Аристотель подразделил все наши чувства на пять основных категорий: зрение, слух, осязание, обоняние и вкус. Аристотелевы пять чувств соответствуют пяти "репрезентативным системам", принятым в процессе моделирования НЛП — визуальной, аудиальной, кинестетической, ольфакторной и вкусовой. Согласно Аристотелю, пять чувств снабжают «душу» информацией о тех свойствах внешнего мира, которые находятся в определенных границах.

"Предмет каждого чувства, как полагают, — одна противоположность, например: зрения — белое и черное, слуха — высокое и низкое, вкуса — горькое и сладкое. В осязаемом же имеется много противоположностей: теплое — холодное, сухое — влажное, твердое — мягкое и подобные же противоположности других свойств. Что касается указанного сомнения, то оно до известной степени устраняется тем, что и у других чувств имеется много противоположностей, например: у голоса имеется не только высокий и низкий тон, но и сила и слабость [звука], нежность и грубость и тому подобное; у цвета имеются и другие сходные различия". (*О душе, II*)

Данные «противоположности» соответствует тому, что в НЛП называется субмодальностью. Субмодальности — это конкретные воспринимаемые качества, фиксируемые какой-либо из пяти первичных сенсорных модальностей. Наша визуальная модальность, например, может воспринимать такие качества, как цвет, яркость, форма, объем и т. д.; аудиальная модальность — громкость, высоту, ритм и т. п. Каждая субмодальность фиксирует качества, варьирующиеся в пределах двух противоположностей: цветной <=> 'черно-белый, яркий <=> тусклый, громкий <=> тихий, высокий <=> низкий, горячий <=> холодный, тяжелый <=> легкий и т. д. Согласно Аристотелю, именно соотношение между этими качествами и определяет нашу реакцию на объекты и переживаемые ситуации.

"Вот почему мы не ощущаем теплого и холодного, твердого и мягкого, когда они одинаковы [с нашими органами], а ощущаем, когда они отличаются в степени, поскольку ощущение есть как бы некая середина между противоположностями, имеющимися в ощущаемом. Благодаря этому оно различает ощущаемое, ибо середина способна различать, так как она становится одной крайностью по отношению к каждой другой из двух крайностей". (*О душе*, II 77, 424 a 2–7)

Таким образом, ощущение представляет собой способность замечать отношение между этими противоположностями, то есть фиксировать различия и соотношения различий. Аристотель подразумевал, что именно эти «соотношения» воспринимаемых качеств, а не объекты сами по себе определяют наш способ реагировать на что-то. Иными словами, для нашего разума или «души» важнее информация о данных нам в ощущениях качествах предметов, а не предметы сами по себе. Или, как выразился Аристотель, *"ведь в душе находится не камень, а форма его"*. Другими словами, «форма» более важна, чем «содержание», а следовательно, модель мира, основанная на наших ощущениях, имеет большее значение, чем объективная реальность самого мира. Эти «субмодальные» качества и являются исходными "формальными причинами" моделей мира в нашем сознании.

Согласно Аристотелю, именно соотношение этих двух противоположностей и определяет, что будет доставлять удовольствие, а что вызовет страдания, а значит, и то, к чему следует стремиться, а чего избегать. Если чего-то слишком много на любом из противоположных полюсов, оно начинает вызывать дискомфорт. Комфорт ощущается только на определенном участке равновесия. Если мы садимся слишком близко к огню, он может нас опалить, если слишком далеко — он нас не согревает.

С подобной точкой равновесия в наших ощущениях самым непосредственным образом связаны эмоции — страдаем ли мы или испытываем наслаждение. Таким образом, с точки зрения Аристотеля, мы постоянно стремимся сохранить данное состояние равновесия. Иными словами, страдание и наслаждение дают знать о степени сбалансированности системы.

Первостепенное внимание при моделировании микростратегий на базе НЛП уделяется роли чувств и их «субмодальностей» в мыслительном процессе индивида. Очевидна особая значимость этих свойств для таких процессов художественного творчества, как живопись и музыка, где динамическая сбалансированность цветов и звуков является основой гармонии.

Аристотель также непосредственно связывал эти свойства ощущений с восприятием страдания и наслаждения. Гении, несомненно, находят наслаждение в самой своей деятельности. Их увлеченность своим делом может проявиться как эффект познавательной микроструктуры, в которой выражается их предмет. Например, с помощью НЛП было обнаружено, что в основе таких явлений, как фобии, мании и пагубные привычки, лежат весьма незначительные изменения в свойствах восприятия. Были разработаны весьма действенные методы лечения подобных отклонений, с помощью которых пациенты обучались

непосредственно управлять своими внутренними ощущениями, чтобы приводить в соответствие «отношения» ключевых свойств.

Данные качества, как можно убедиться, играют значительную роль в способности индивида отличать "игру воображения" от «действительности», а «память» — от "фантазии".

Роль памяти и воображения

Помимо указанных свойств ощущений, еще одним основополагающим элементом в микроструктуре «мышления» и "мыслительных стратегий" является способность вспоминать и ассоциировать одни ощущения с другими. В аристотелевой модели поведения «душа» использует внутренние мысленные репродукции сенсорного опыта и с их помощью определяет, к чему следует стремиться, а чего избегать. Память позволяет живому существу вовлекать больший объем опыта, в том числе касающийся и таких предметов, которые нельзя ощутить в данное время и в данном месте. «Мысли» возникают скорее из оставшихся сенсорных впечатлений, чем из текущих ощущений. Эти впечатления обретают форму «воображения» и "памяти".

Аристотель был уверен, что по своей сути разум есть деятельность. Поэтому восприятие и память происходят из этой же «деятельности» или «движения». Он утверждал, что двигательный процесс (чувственное раздражение), связанный с актом восприятия, оставляет определенное впечатление о воспринимаемом, подобно тому, как приложенная печать оставляет оттиск.

По мнению Аристотеля, *"воображение... есть такое движение, которое не может быть без ощущения"* (О душе, III 3, 428 b 14–15). В результате оно также может оставлять в памяти впечатления, неотличимые от впечатлений, оставшихся от действительных ощущений. Данные совокупности сенсорных впечатлений становятся основой всякого мышления.

Для Аристотеля процесс «мышления» начинается, когда «впечатления» приходят во взаимосвязь по "закону ассоциации", которому он дает следующее описание в своем трактате "О памяти":

"Отдельные припоминания, как они происходят на опыте, обязаны тому, что вслед за одним движением естественным образом происходит другое, следующее ему в установившемся порядке. Если бы данный порядок был необходим, то когда бы субъект ни испытывал предыдущее из двух движений, таким образом ассоциированных, он неизбежным образом испытывал бы последующее;

если же, однако, данный порядок был бы не необходим, а лишь привычен, то только в большинстве случаев испытывал бы субъект последнее из двух движений.

Но как то в действительности случается, есть некоторые движения, испытав которые лишь однажды, люди обретают привычное впечатление о них более глубоко, чем они хранят о других, испытанных ими множество раз;

так вот и увидев некоторые предметы лишь однажды, мы помним их лучше, чем другие, которые мы могли видеть часто. Так что, когда бы мы ни припоминали, мы переживаем некоторые из предыдущих движений, пока, наконец, не испытаем того, после которого в привычном порядке следует искомое нами".

Описываемый Аристотелем процесс сходен с тем, который в НЛП называется «якорением». Когда два переживания следуют одно за другим в довольно ограниченном временном интервале, они могут быть связаны или «заякорены» вместе, так что одно из переживаний становится триггером для другого. Как заметил Аристотель, подчас ассоциация может образоваться при

первой же попытке. Когда сенсорные образы некоего ряда ассоциируются друг с другом в определенной последовательности, она образует основу мыслительной "стратегии".

Ясно, что способность запоминать и создавать ассоциации будет играть ведущую роль в феномене гениальности. К примеру, феноменальная и практически мгновенная музыкальная память Моцарта часто приводится как «свойство» и одновременно «причина» его музыкального гения. Один из важных вопросов, связанных с изучением стратегий гениальных людей, заключается именно в том, являются ли такие способности «врожденными», то есть «генетическими», или же их можно развить.

Как представляется с позиций НЛП, если у отдельных людей и имеются генетические склонности, то эти же способности могут быть развиты с помощью определенных приемов и методов. Таким образом, уместно провести исследование тех микропроцессов, благодаря которым гениальные люди увеличивают свою способность к запоминанию и ассоциированию отдельных сенсорных опытов. Например, в модели НЛП имеются некоторые микроповеденческие ключи-сигналы, которые играют роль "ключей доступа", однако, как правило, упускаются из виду при изучении феномена гениальности. "Ключи доступа" служат для припоминания прошлого опыта и образования ассоциаций. Ключом доступа может служить как идеосинкретический знак, вроде щелчка пальцами или хмыкания, так и более глубокие и универсальные, например, бессознательные движения глаз и характер дыхания.

Наблюдение и отслеживание столь неявных знаков может дать ключ к пониманию образа мышления индивида и использоваться для облегчения ассоциативных процессов. Например, одна из наиболее эффективных стратегий НЛП — "стратегия правописания", в которой индивид облегчает процесс создания зрительного образа и запоминания орфографии слова, обращая глаза вверх (и, как правило, влево) в момент изучения или припоминания нужного слова.

Аристотель полагал, что сенсорная информация из внешнего мира оставляет впечатления, которые могут ассоциироваться друг с другом или со сконструированными впечатлениями, вызванными внутренней активацией системы органов чувств (т. е. воображением). Данные ассоциации образуют мысленные «идеи», или копии последовательностей приходящей от органов чувств внешней информации и внутренне генерированного переживания. Ассоциации текущих ощущений с будущими последствиями создают основу для «просчитывания» и «размышления». Эти ассоциации, в свою очередь, побуждают живое существо двигаться либо в направлении, либо прочь от окружающих его объектов. На другом уровне — при наличии должного количества и частоты повторений собственных воспоминаний — из совокупностей подобных переживаний возникает «универсальное» восприятие, служащее основанием для объединения отдельных «опытов» в "некоторый опыт". Как заключает Аристотель во "Второй аналитике":

"Таким образом, эти [приобретенные] способности не содержатся [в душе] в обособленном виде и не возникают из других способностей, в большей мере познавательных, а берут свое начало от чувственного восприятия... ибо хотя воспринимается единичное, но восприятие есть [восприятие] общего, например человека, а не человека Калия...

Итак, ясно, что первоначально нам необходимо познать через наведение, ибо таким именно образом восприятие порождает общее". (*Вторая аналитика, II 19, 100 a 9— 100 b 5*)

Общие свойства

Согласно Аристотелю, процесс индуктивного определения универсалий по отдельным сенсорным восприятиям осуществляется посредством "общего чувства" (common sense) —

особого участка «души», где встречаются все чувства. Одной из функций "общего чувства" является фиксирование того, что повторяется в ряде [сенсорных] опытов, то есть некой неизменной данности. Неизменные данности, или «универсалии», понимаются как ряд не имеющих собственного наполнения качеств, которые Аристотель назвал "общими свойствами" (*common sensibles*) и которые являются отличительными признаками, воспринимаемыми всеми чувствами.

"Но не может быть особого органа чувства для восприятия общих свойств — они воспринимаются каждым чувством привходящим образом; таковы движение, покой, фигура, величина, число, единство". (*О душе, III 1, 425 a 13–15*)

Заслуживает внимания то, что "общие свойства" Аристотеля не являются функцией какой-либо отдельной сенсорной модальности. Они находятся на другом уровне, нежели "пары противоположностей" или так называемые субмодальности в НЛП, воспринимаемые отдельными чувствами (цвет, объем, форма и т. д. — для зрения; тон, темп, высота и т. д. — для слуха; температура, давление, текстура и т. д. — для осязания). "Общие свойства" определяют отношения между восприятиями и впечатлениями, оставляемыми ощущениями.

Например, «интенсивность» есть нечто, что можно зафиксировать в любом ощущении. Есть интенсивность цвета, звука, вкуса, запаха или воздействия. То же самое относится к «числу» — можно видеть три вещи, слышать три вещи, ощущать три вещи и т. д. Положение в пространстве и движение также воспринимаются посредством всех чувств. Можно видеть, слышать, ощущать на ощупь или по запаху нечто, исходящее из определенного места или движущееся в определенном направлении. Данные свойства не являются функцией какого-либо одного чувства. Они являются чем-то, что может восприниматься всеми чувствами и облегчать процесс передачи информации между различными чувствами. Согласно Аристотелю, "общие свойства" позволяют нам выполнять умственные операции более высокого уровня.

К примеру, Бауэр (Bower, 1985), проводивший упоминаемые выше эксперименты с научением младенцев, выяснил, что детям с самого раннего возраста приходится решать весьма сложные концептуальные проблемы. Скажем, решать такие вопросы: "Является остановившийся объект тем же самым, что и движущийся объект? Может ли объект оказаться внутри, сверху, позади другого объекта, а затем появиться вновь в прежнем виде?" Чтобы решить эти проблемы — а ребенок справляется с ними довольно быстро, — он не сосредоточивается на особых чувственных свойствах объекта, то есть цвете, текстуре, форме и запахе. Согласно Бауэру:

"Менее осязаемые свойства объекта — движение, местонахождение или положение — представляют гораздо большую важность в мышлении ребенка. Эти формальные (скорее, чем чувственные) свойства раздражения явились теми качествами, которые могут передаваться и интерпретироваться несколькими чувствами одновременно. Возьмем, например, движение материнской груди к младенцу. Движение может ощущаться по запаху или прикосновению. Еще один пример формального свойства раздражения — симметрия. Будучи расположенным строго впереди, источник звука производит совершенно одинаковое раздражение на оба уха. Если он расположен справа, то правое ухо раздражается раньше и более ощутимо, чем левое, а если слева — то наоборот. Симметрия работает одинаково хорошо при прослеживании запахов, вибраций или каких-нибудь видимых объектов.

Так же, как движение и положение, симметрия раздражения не подчинена какому-либо чувству и является формальным свойством раздражения. Я подумал, что, быть может, мир ощущений ребенка и был закодирован так, чтобы воспринимать эти формальные свойства, а не реагировать на какие-то специфические детали".

"Формальные свойства раздражения" Бауэра представляют собой то, что Аристотель определил как "общие свойства". Бауэр заинтересовался возможностью использовать эти

формальные свойства для содействия передаче информации от одного чувства к другому, чтобы помочь физически неполноценным детям, например, слепорожденным. Он сообщает:

"Казалось, почти невозможно научить младенцев передавать воспринимаемую информацию от чувства к чувству. Нам требовалось «приспособление», которое могло бы преобразовывать формальные свойства, хорошо заметные в обычном случае, — симметрию, движение, местонахождение, — в звуки. Изготовив это приспособление, мы смогли использовать его в темноте на зрячих детях или на детях слепых для выяснения, смогут ли они «видеть» посредством звука".

Бауэр и его коллеги разработали прибор, названный "звуковым поводырем". Он надевался, как повязка, на голову ребенка и вырабатывал ультразвуковые импульсы. Высота слышимого сигнала указывала на расстояние до объектов. Высокий тон отвечал далеким объектам, низкий — близким. Амплитуда сигнала обозначала величину объекта в поле ультразвуковых волн (чем громче звук, тем больше объект, чем тише — тем меньше). Текстура поверхности объекта определялась чистотой звука. Ожидая, что потребуются медленное и постепенное обучение, Бауэр был изумлен первыми же результатами.

Младенец шестнадцати недель от роду был полностью слеп. Беззвучный объект то медленно приближался к лицу ребенка, то удалялся от него. При совершении объектом этого перемещения в четвертый раз глаза ребенка начали сходиться при его приближении и расходиться при его удалении. При седьмом повторе ребенок начал протягивать ему навстречу руку.

Затем его протестировали на объекты, движущиеся вправо и влево. Он следовал за ними головой и глазами, пытаясь до них дотянуться.

После этого Бауэр испробовал звуковой поводырь еще на нескольких слепых младенцах, наиболее примечательной из которых была девочка, которая начала пользоваться поводырем в возрасте около семи месяцев. В то время она училась ползать, но боялась слишком удалиться. После нескольких занятий с поводырем она стала гораздо увереннее. К двух годам она разгуливала вверх и вниз по лестнице, что совсем непросто даже для нормально видящего ребенка. Поводырь «посылал» ей весьма сложные сигналы от ступенек, но девочке, похоже, нравилось получать сложные сообщения, так же, как и бегать вверх-вниз по лестнице. Когда у нее не было поводыря, она научилась топать ножкой и ориентироваться по отраженному звуку. Интересно, что когда Бауэр попытался применить поводырь на более взрослых детях, он обнаружил, что им большой помощи сигналы оказать не могут. Как выяснилось, после того, как ребенок узнавал, что звук является свойством *объектов*, он утрачивал способность использовать его в качестве посредника в восприятии более абстрактных свойств, необходимых для передачи информации между чувствами.

После многих экспериментов со звуковым поводырем Бауэр пришел к заключению, что новорожденный младенец наиболее чувствителен к формальным свойствам раздражения или "общим свойствам", таким как симметрия, движение и положение, и что эти формальные свойства действительно могут передаваться от чувства к чувству — зрительная информация преобразовываться в звуковую и т. д.

Как представляется, изначально чувства не настолько узко специализированы, чтобы сосредотачиваться на весьма слабых ощущениях, ассоциированных лишь с определенными чувствами. В процессе развития восприятия, чувства «научаются» опытом и все более сосредотачиваются на «объектах» и «вещах», частично утрачивая свою восприимчивость к "общим свойствам". Согласно Бауэру:

"Наш взрослый мир восприятия весьма чувствен — полон красок, запахов, звуков и т. д. Но мир новорожденного не чувствен — он «воспринимающ». Ребенок обрывает «цветы»

формальных характеристик, ассоциированных с чувственным опытом, не притрагиваясь к «стеблю» самих чувственных опытов... Я думаю, что дети реагируют именно на формы раздражения, и чувство, обеспечивающее наилучшую форму, станет тем, в котором они будут специализироваться".

Способность передавать сообщения от одного чувства к другому, по-видимому, и является основополагающим свойством гениальности. Музыкальный гений Моцарта, к примеру, не произошел от одной лишь его способности узнавать ноты и воспроизводить по ним определенного качества звуки, то есть с нужного темпа, громкости и тона. Его дар заключался в восприятии и передаче посредством звуков глубинных форм, взаимосвязей и «универсалий». Рассматривая далее в этой книге его творческий процесс, мы увидим, что Моцарт обладал исключительным даром приводить звуки в гармонию со всеми остальными чувствами. Для Моцарта эмоциональность, душа и хороший вкус требовались в музыке в той же мере, что и уши. Описание Моцартом своей стратегии сочинения музыки показывает, что музыка есть нечто вроде заложенного в сознании "звукового поводыря" для многих ощущений, в котором чувства, воображение и даже художественный вкус слились воедино. Возможно, что в отличие от большинства взрослых-людей, Моцарт и другие гении сохраняли прямой доступ к "общим свойствам", как и свою способность легко производить обмен информацией между чувствами и воспринимать скорее «формы», а не "вещи".

Согласно Бауэру, мы теряем доступ к общим свойствам, поскольку научаемся ассоциировать чувственные качества с самими «вещами», а не с их "формальными характеристиками" и взаимосвязями. Мы даже стараемся «опредметить» сами чувственные качества, воспринимая цвета, запахи и звуки как «вещи», а не как отношения между «противоположностями», на чем настаивал Аристотель. (Даже многие методики НЛП рассматривают «субмодальности» так, как если бы они были инвентарным списком «вещей», а не отношениями.) Например, мы говорим о внутреннем изображении как о «ярком» или «далеком», как если бы это были вещи, ассоциированные с определенным изображением. Чтобы определить, является ли изображение «ярким», необходимо прежде всего установить: по сравнению с чем яркое? Изображение изначально не является ни «ярким» ни «тусклым», ни «красочным» ни «блеклым», ни «удаленным» ни «близким» — оно является "удаленным, красочным или ярким" в сравнении с чем-то еще, к примеру, со своим фоном или другим изображением.

Весьма красноречивый эксперимент был поставлен гештальтпсихологами с группой собак. Собак дрессировали так, что они приближались к какому-то предмету, когда им показывали белый квадрат, и избегали его, когда им показывали серый квадрат. После того, как собаки полностью усвоили свою задачу, экспериментаторы стали использовать серый квадрат в контрасте с черным. Собаки сразу же изменили поведение и стали приближаться к объекту при виде серого квадрата (ранее он заставлял их отступать) и избегали объект, когда им показывали черный квадрат (который не был к чему-либо "привязан"). Можно предположить, что вместо восприятия некоего абсолютного раздражителя «серое», собаки реагировали на более глубокое по содержанию отношение, — "более светлое против более темного", — в противоположность «серому», «белому» или «черному», оказавшимся в роли "вещей".

Бауэр полагает, что мы утрачиваем чувствительность к более глубоким взаимосвязям и "формальным характеристикам", когда «научены» концентрироваться на "частных моментах" своего опыта, в противоположность «универсалиям». Процесс «объективизации» группы сенсорных качеств соответствует тому, что Аристотель определил как "воспринимаемое привходящим образом". "Воспринимаемое привходящим образом" возникает в результате сочетаний единиц информации, идущей от различных чувств, в целях восприятия «вещей»,

состоящих из совокупностей сенсорных качеств. В трактате "О душе" Аристотель поясняет:

"...Мы теперь сладкое воспринимаем зрением. Последнее возможно потому, что мы имеем как раз чувство для восприятия и сладкого и видимого, благодаря чему мы узнаем и то и другое, когда они встречаются вместе. Если бы было не так, то мы бы никак не воспринимали [сладкое зрением], разве только привходящим образом, как, например, сына Клеона — я воспринимаю не то, что он сын Клеона, а то, что он бледный; а для этого бледного привходяще то, что он сын Клеона.

А то, что свойственно воспринимать лишь отдельному чувству, остальные чувства воспринимают привходящим образом не как они сами по себе, а как нечто одно, когда в одном и том же одновременно воспринимается [разное], как, например, когда мы узнаем, что желчь горька и желта. Ведь во всяком случае не дело частного чувства судить о том, что эти два свойства составляют одно. Отсюда происходят ошибки, и, видя нечто желтое, полагают, что это желчь". (*О душе, III 11, 425 a 20-b4*)

"Воспринимаемое привходящим образом" является своего рода основополагающим "сенсорным силлогизмом", посредством которого люди составляют себе «карту» мира исходя из своих сенсорных опытов. Например, "если нечто желто и горько, то это желчь" и т. д. В известном смысле этот процесс связан с исходными "формальными причинами", относящимися к нашему восприятию. Согласно Аристотелю, качества от разных чувств, сведенные воедино "общим чувством", образуют в своей совокупности то, что мы можем назвать «убеждениями», или "картами отображения" действительности. Именно из этих многоплановых «силлогизмов», по убеждению Аристотеля, мы выстраиваем свою модель мира.

И хотя данный процесс позволяет нам организовывать наши сенсорные опыты, отыскивать в них рациональное зерно и приводить к единому знаменателю, он также является источником "иллюзии чувствования", или, как неявно прозвучало у Бауэра, «объективизации» чувства, начинающей сужать и ограничивать наше видение и использование более глубоких по содержанию "формальных характеристик" чувств или "общих свойств". Говоря в терминах НЛП, мы начинаем недостаточно хорошо проводить различие между «картой» и «территорией» и теряем доступ к возможным вариантам выбора.

Замечание Бауэра о том, что "чувство, обеспечивающее наилучшую форму, станет тем, в котором они будут специализироваться", подводит к концепции "наиболее значимой репрезентативной системы" в НЛП. Впервые описанное Уильямом Джеймсом (1879), понятие о личности, «специализирующейся» либо в «значимой», либо в какой-то конкретной сенсорной модальности, отражает тот факт, что одни люди более, чем другие, склонны полагаться на определенные сенсорные модальности. Согласно Джеймсу, "у некоторых индивидов привычный, с позволения сказать, "умственный сор" — это видимое; у других — слышимое, говоримое или движимое; у большинства же людей всего намешано поровну". Люди, более "визуально ориентированные", к примеру, в учебе, организационных вопросах или при составлении планов будут более всего полагаться на зрение. Если же человек дошел до высокой степени специализации, он может испытывать трудности при выполнении задач, требующих смещения акцента на другие чувства. Крайне «визуальная» личность, к примеру, может преуспеть в математике и черчении, но испытывать трудности в музыке и гимнастике. Люди с выраженной слуховой ориентацией могут быть прекрасными рассказчиками, но при этом совершенно не способными к таким занятиям, требующим подключения визуальной модальности, как мысленное манипулирование предметами в пространстве или игровые виды спорта. Те же люди, у кого сильна специализация в осязании, могут прекрасно работать руками, но быть не в ладах с научными дисциплинами (в большей степени визуальными и вербальными). Один из ключевых вопросов микромоделирования заключается в том, каким образом человек

пользуется своими чувствами и есть ли у него специализация в каких-либо из них.

Моделирование микростратегий. Модель ROLE

Модель ROLE (Dilts, 1987, 1991, 1993) — это схема микромоделирования в НЛП, суммирующая и заключающая в себе основные аристотелевы категории, относящиеся к разуму или «душе». **ROLE** означает Representational System-Orientation-Link-Effect (репрезентативная система-ориентация-связь-эффект). Эта модель может использоваться для определения микроуровневой познавательной схемы конкретной модели ТОТЕ. Каждый последовательный шаг в модели ТОТЕ включает в себе репрезентацию некоторой информации, которая будет затем ориентирована на конкретную область проблемного пространства и связана с другими типами репрезентаций. То, каким образом представлена, ориентирована и связана информация, будет давать соответствующий эффект в масштабе всего процесса.

Примером может служить программа проверки орфографии, ориентированная либо на проверку всего текста в целом, либо какой-то его части. Правильная орфография может быть представлена либо списком слов, либо правилами правописания. Способ обозначения этих элементов, а также их связи между собой и будут определять эффективность и точность работы программы. Другой пример — начало Книги Бытия, где репрезентация Творцом своих целей ("И сказал Бог: да будет...") отличается от репрезентативной системы, используемой им для оценки сотворенного ("И увидел Бог, что это хорошо"). В терминах модели ROLE можно сказать, что в божественной «микростратегии» творения слова связываются с действиями, результаты которых затем подвергаются осмотру для определения их завершенности.

Таким образом, цель процесса моделирования ROLE — определить основные элементы мышления и поведения, дающие, как правило, определенный отклик или результат. В этой же связи определяются решающие для стратегии мышления шаги и та роль, какую играет каждый шаг неврологической «программы» в целом. Эта роль определяется четырьмя факторами, первые буквы названий которых и образуют название модели ROLE.

1. Репрезентативные системы подразумевают, какие из пяти чувств — зрение (Visual), слух (Auditory), кинестетика (Kinesthetic), обоняние (Olfactory), вкус (Gustatory)* — доминируют на каждом конкретном этапе данной стратегии мышления.

*В модели НЛП различные репрезентативные системы часто сокращенно обозначаются просто как V, A, K, O или G для визуальной, аудиальной, кинестетической ольфакторной (обонятельной) и вкусовой соответственно. Язык и чистые звуки обозначаются как Ад для слов, в отличие от А, для музыки и неязыковых звуков (d — digital, t — tonal).

Как мы установили, каждая репрезентативная система рассчитана на восприятие некоторых основных качеств ощущаемых ею сенсорных опытов. К ним относятся такие характеристики, как *цвет, яркость, тон, громкость, температура, давление* и т. д. Как мы упомянули ранее, в НЛП данные качества называются «субмодальностями», поскольку являются составными компонентами каждой из репрезентативных систем.

Например, если бы нам пришлось рассматривать микропознавательные элементы стратегии мышления какой-либо конкретной гениальной личности, например, Леонардо или Эйнштейна, то возник бы вопрос: "Какими репрезентативными системами они пользовались при обдумывании определенной темы?" С помощью каких чувств сформулировал Эйнштейн свою теорию относительности? Пришла ли она ему только на словах, или в виде готовой математической формулы? Наблюдал или ощущал он при этом что-нибудь? Как Леонардо

придумывал свои аппараты? Представлял ли он их в зрительных образах, в цвете или нет? Какую роль играли перспектива или движение зрительного образа для его творческого процесса? Это те вопросы, ответы на которые относятся непосредственно к репрезентативным системам ("R" модели ROLE):

какие чувства включались, какие сенсорные качества акцентировались и в какой степени важна и необходима была их роль?

2. Ориентация (Orientation) определяет, нацелена ли данная конкретная сенсорная репрезентация вовне ([e]xternally), то есть на внешний мир, или вовнутрь ([i]nternally) — на хранимые в памяти ([r]emembered) или сконструированные ([c]onstructed) сенсорные опыты*. Например, нечто можно «видеть» либо во внешнем мире, либо в своей памяти, либо в воображении.

*В аббревиатурах НЛП ориентация обозначается буквой, расположенной в верхнем индексе по отношению к букве, обозначающей используемую в данный момент сенсорную модальность. Например *Vr'* обозначает визуальное (V) воспоминание ([r]emembered) и т. д.

Привычная ориентация репрезентативной системы будет влиять на познавательное поведение индивида и определять его сильные стороны. Человек, который ориентирует свои чувства вовнутрь, может быть силен в теоретических процессах, а ориентированный вовне, вероятнее всего, будет хорошим наблюдателем. Например, замечание Эдисона о том, что "изобретение — это один процент вдохновения и девяносто девять процентов пота" подразумевает, что в его стратегии (сочетающей в себе наблюдение и эксперимент), акцент делается на внешнюю ориентацию. Физик-теоретик Эйнштейн, с другой стороны, был в основном внутренне ориентирован и тяготел более к "умозрительным экспериментам", утверждая, что "воображение важнее, чем знание". Моцарт был способен ориентировать свою аудиальную репрезентативную систему с одинаковой легкостью во всех областях, проявляя исключительные способности к исполнению (Ae), воспоминанию (Ar) и сочинению (Ac) музыки.

3. Связи (Links) определяют то, как конкретный шаг или сенсорная репрезентация связаны с другими репрезентациями в микростратегии индивида. Например, чтобы дать оценку произведению искусства, необходимо, как правило, связать внешние образы или звуки с внутренними эмоциональными откликами, и в этом случае говорят, что музыка или картина «тронула». Подобным же образом, «выражение» эмоций средствами живописи, музыки, поэзии, танца или скульптуры указывает на связь, исходящую от внутренних переживаний ("чувств") и замыкающуюся на других репрезентативных системах.

Существует два основных способа связывать репрезентации между собой — последовательный и параллельный*. Последовательные связи выступают в роли «якорей» или «триггеров» (спусковых механизмов) таким образом, что одна репрезентация следует за другой в непрерывной линейной последовательности. Данные связи выведены из аристотелева "закона ассоциации".

*В НЛП «последовательная» связь между репрезентативными системами обозначается стрелкой, указывающей в направлении от одного познавательного шага к другому, в то время как параллельная связь обозначается наклонной чертой.

Они связаны с порядком познавательных шагов в микростратегии индивида. Например, у человека может существовать привычный порядок действия репрезентативных систем в его стратегии принятия решений, при котором получаемая извне визуальная информация соединяется с эмоциональными реакциями. Его внутренние ощущения пробуждают вопросы в сознании. Вопросы, в свою очередь, порождают фантазии в зрительных образах относительно будущего выбора, будущих проблем и т. д.

Параллельные связи имеют место в том, что названо *синестезиями* ("синтез чувств").

Синестезийные связи проявляются при взаимном наложении сенсорных репрезентаций посредством того, что Аристотель назвал "общими свойствами". Как показали эксперименты Бауэра, визуальные и аудиальные свойства могут образовывать связи за счет общих для них "формальных свойств" (formal qualities). Подобным же образом некоторые качества реальных ощущений могут образовывать связи с некоторыми качествами, возникающими в воображении, например, зрительное представление звука или «слышание» цвета.

Оба данных вида связи являются неотъемлемым компонентом процессов мышления, обучения, творчества и организации нашего опыта в целом. Ключевой вопрос при изучении конкретной микростратегии заключается в том, какой тип связей между чувствами задействован. Если связи последовательные, то каков необходимый порядок ассоциирования чувств? Если присутствуют параллельные связи, то какие именно качества одного чувства с какими качествами другого в данном случае связаны?

Очевидно, что возникновение связей между чувствами является важным аспектом познавательных процессов, лежащих в основе гениальности. В тетрадах Леонардо да Винчи записи и рисунки постоянно чередуются. И, наконец, по собственному заявлению Аристотеля, в процессе логического мышления у него возникали связи между множеством чувственных ощущений и "общим чувством".

4. Эффект (Effect) сводится к результату или цели каждого отдельно взятого этапа мыслительного процесса. Эффекты связаны с ролью отдельно взятого познавательного микропроцесса в макростратегии или ТОТЕ, где действует данная микростратегия. Например, функция отдельного этапа может заключаться в том, чтобы: а) генерировать или вводить сенсорную репрезентацию;

б) опробовать или оценивать отдельно взятые состояния по какому-либо критерию; или в) воздействовать с целью изменения на какую-либо часть опыта или поведения. Таким образом, в зависимости от ориентации и типа связи ощущение может быть: а) информацией о том, что происходит в окружении индивида (к примеру, что объект горячий или холодный); б) частью оценки или суждения об окружении индивида (например, ощущением того, что нечто нравится или не нравится); или в) попыткой изменить или скорректировать свое поведение.

Эффект отдельно взятой репрезентации в микростратегии является важным элементом гениальности. В НЛП существует весьма четкое различие между наиболее высоко *развитыми*, наиболее *значимыми* и наиболее *осознанными* репрезентативными системами индивида. Данное различие отражает характерный эффект отдельно взятой репрезентативной системы. Если некий человек, например Эйнштейн, использовал в своей микростратегии зрительные образы, ощущения и слова, нам будет интересно выделить эффект каждой его репрезентативной системы в рамках стратегии в целом. Использовались ли зрительные образы для накопления информации и продумывания возможного хода событий? Помогли ли они сделать какие-то выводы? Служили ли ощущения для сбора информации и помогли ли они прийти к каким-либо выводам? Какова была роль языка: привносить идеи, определять правила или проводить вычисления?

Наиболее «развитой» системой индивида является то чувство, с помощью которого он может производить наибольшее число различений. Наиболее высоко «значимой» репрезентативной системой индивида является та, которой он имеет обыкновение пользоваться при оценке значимости опыта и принятии решений. Наиболее же «осознанная» система индивида — та, которую он наилучшим образом способен целенаправленно изменять и использовать. Если кто-либо специализируется преимущественно в визуальной модальности, тогда и наиболее высоко развитой, и наиболее значимой, и наиболее осознанной репрезентативной системой для него будет визуальная. Некоторые люди смогли развить одно из

своих чувств до весьма высокого уровня, но не ценят его столь же высоко, как какое-то другое. К примеру, кто-то очень ценит свои внутренние переживания, не вполне осознавая, что эти чувства могут управлять им. У некоторых людей выработалась большая способность к визуализации, но они не отдают себе отчета в том, что создают зрительные образы. Ключевым вопросом моделирования стратегий гениальных людей является определение того, в какой степени то или иное чувство развито, ценится или осознанно используется.

Язык как средство мышления и моделирования

Один из способов определить влияние конкретной репрезентативной системы в микростратегии индивида состоит в изучении особенностей ее отражения в его языковых паттернах. Язык является важным показателем внутренних когнитивных процессов индивида. В трактате "Об истолковании" Аристотель утверждает:

"Итак, то, что в звукосочетаниях, — это знаки представлений в душе, а письма — знаки того, что в звукосочетаниях. Подобно тому, как письма не одни и те же у всех [людей], так и звукосочетания не одни и те же. Однако представления в душе, непосредственные знаки которых суть то, что в звукосочетаниях, у всех [людей] одни и те же, точно так же одни и те же и предметы, подобия которых суть представления". (*Об истолковании*, 1, 16 а 3–8)

Утверждение Аристотеля, что слова суть «знаки» наших "представлений в душе" перекликается с принятым в НЛП взглядом, что написанные и произнесенные слова представляют собой "поверхностные структуры", являющиеся преобразованиями мыслительных "глубинных структур". По этой причине слова могут как отражать, так и придавать форму мыслительным опытам. Это делает их могучим средством мышления. Поскольку, как указывает Аристотель, выраженные при помощи слов "представления в душе" сходны у разных людей, слова также являются полезным средством моделирования. Вглядываясь в глубинную структуру, скрытую за отдельными словами, используемыми индивидом, мы можем определить уровень процесса умственных операций, закодированных в его языковых паттернах. Подобные же умственные процессы могут затем быть переданы и развиты у других людей с помощью языка и других "поверхностных структур". Для этого необходимо обратить столь же пристальное внимание на формальные свойства языка, как и на их содержание, поскольку стратегия сводится более к форме, нежели к содержанию мыслительного процесса индивида. Изучая формальные свойства языка, Аристотель сделал различие между относительной ролью существительных и глаголов.

"Итак, имя есть такое звукосочетание с условным значением безотносительно ко времени, ни одна часть которого отдельно от другого ничего не означает... [Имена] имеют значение в силу соглашения, ведь от природы нет никакого имени. А [возникает имя], когда становится знаком, ибо членораздельные звуки, хотя и выражают что-то, как, например, у животных, но ни один из этих звуков не есть имя.

Глагол есть [звукосочетание], обозначающее еще и время; часть его в отдельности ничего не обозначает, он всегда есть знак для сказанного об ином. Говорю же я, что глагол обозначает еще и время; например, «здоровье» есть имя, а "[он] здоров" есть глагол, ибо это еще обозначает, что здоровье имеется в настоящем времени. Далее, глагол всегда есть знак для сказанного об ином, например о подлежащем или о том, что находится в подлежащем". (*Об истолковании*, 2, 16 а 19–29; 3, 16 b 5–11)

Согласно Аристотелю, слова — это звуки, которые в процессе ассоциации становятся знаками мыслительных опытов. Существительные — это звуки, которые ассоциируются с нашим

восприятием «вещей» ("случайных объектов чувства"). Глаголы являются звуками, ассоциированными с нашим восприятием свойств вещей или взаимоотношений между вещами (субмодальности и "общие свойства") по мере того, как они проявляются с течением времени. Существительные более связаны с содержанием наших опытов, в то время как глаголы служат символами характерных свойств и процессов.

В моделях НЛП некоторые ключевые слова, или «предикаты», показывают, как человек думает. Например, такие слова, как «видеть», «ясно», «показывать», указывают на визуальные процессы. Слова «говорит», «звучит», «услышал», «звонит колокол», «рассказать» показывают на аудиальные или вербальные опыты. Языковые формы типа «чувствовать», «неровный», «прикосаться», «болезненный», «холодный» подразумевают кинестетические процессы и т. д.

Моделирование микроструктуры Аристотелевой стратегии мышления

Тщательно сортируя по данным типам слов лексику индивида, мы можем получить важную информацию о его мыслительных процессах и стратегиях. Рассмотрим, например, следующий отрывок из Аристотеля:

"...Существо, не имеющее ощущений, ничему не научится и ничего не поймет. Когда созерцают умом, необходимо, чтобы в то же время созерцали в представлениях: ведь представления — это как бы предметы ощущения, только без материи.

Таким образом, мыслящее мыслит формы в образах, и в каких образах ему проясняется, к чему следует стремиться и чего следует избегать, в такой же мере оно приходит в движение и в отсутствие ощущения при наличии этих образов... Иногда с помощью находящихся в душе образов или мыслей ум, словно видя глазами, рассуждает и принимает решение о будущем, исходя из настоящего. И когда мыслящее скажет себе, что там есть нечто, доставляющее удовольствие или неудовольствие, оно и здесь начинает избегать или стремиться и вообще становится деятельным". (*О душе, III 8, 432 a 6–9; 7, 431 b 1–10*)

Как представляется с позиций НЛП, Аристотелево описание общих принципов функционирования «ума», весьма вероятно, является проекцией его собственной общей стратегии мышления. Исходя из употребляемой им лексики, может показаться, что эта стратегия обладает определенной последовательностью, начинающейся ассоциированием внешней сенсорной информации с внутренними визуальными представлениями (Vi). Далее, ум "рассуждает и принимает решение", как бы "видя глазами" или конструируя мысленные «образы» (Vc) "о будущем исходя из настоящего" (наиболее вероятно, что посредством внутренних схем ассоциации). Данные образы оцениваются посредством вербального процесса. И когда ум "скажет себе" (Aid), то из этого возникает физическое действие. Наиболее вероятно, что ум "скажет себе", завершив процесс рассуждений на основе какого-либо силлогизма. Из языковых паттернов Аристотеля видно, что в его случае визуальная репрезентативная система является как осознанной, так и высокоразвитой. Способность «рассуждать» и "принимать решение о будущем исходя из настоящего", "словно видя глазами", подразумевает осознанное представление о своем внутреннем воображении, способность улавливать различия и взаимосвязи между мысленными образами, как и способность до определенного предела управлять ими. Утверждение Аристотеля о том, что ум может "сказать себе" об опыте, подразумевает, что получаемое на выходе вербальной репрезентативной системы является наиболее значимым. То есть, в то время, как мысленные образы дают информацию и направляют действия мыслительной стратегии, язык оценивает содержание этих зрительных образов и создает основу поведения. Разумеется, утверждение Аристотеля, что объект

неизбежно есть "нечто, доставляющее удовольствие или неудовольствие", подразумевает некоторую внутреннюю чувственную реакцию (Ki), но не дает точного указания на то, испытываются ли непосредственно удовольствие или неудовольствие.

Однако в другом утверждении Аристотель указывает, что переживание внутренних ощущений играет большую роль в данной общей стратегии, в той ее форме, которую он называет «стремлениями» и «желаниями». Стремления и желания представляют собой чувства, формирующиеся по отношению к определенной цели или задаче, на которую они были сориентированы содержанием текущих восприятия, памяти или воображения.

"Ум же, совершенно очевидно, не движет без стремления... Между тем стремление движет иногда вопреки размышлению... Поэтому приводит в движение всегда предмет стремления, но он есть либо [действительное] благо, либо благо кажущееся.

А так как бывают противоположные друг другу стремления, а это случается, когда разум противостоит желаниям, происходит же это у тех, кто обладает чувством времени (ведь ум велит воздерживаться ввиду будущего, желания же побуждают к осуществлению тотчас же, ибо удовольствие, получаемое сразу же, кажется и безусловным удовольствием, и безусловным благом оттого, что не принимают во внимание будущее)". (О душе, III 10, 433 a 23–27; 433 b 5–10)

Приведенное высказывание подразумевает, что «стремления» являются внутренними чувственными состояниями, воздействующими на то, что Фрейд назвал "принципом удовольствия", то есть стремлением получить удовольствие и избежать боли. Данные чувственные реакции могут быть вызваны либо текущими переживаниями, либо в ходе рассуждений. Текущие переживания могут создать ощущение «удовольствия» или «неудовольствия» — предположительно за счет отношений между «противоположностями» (или "субмодальностями"), образующими чувственные качества данных переживаний. С другой же стороны, определение «благости» объекта происходит, по-видимому, на основе «рассуждений» (проекций будущих последствий).

Аристотель утверждает, что противоречия между переживаниями возникают в результате различного восприятия времени, поскольку принципы «разума» и «желания» могут потенциально действовать в различных временных интервалах. «Разум» более ассоциируется с восприятием будущего, а «желание» — с настоящим. Мы склонны также ассоциировать «разум» и процесс «рассуждения» с вербальным анализом. Аристотель подразумевает, что опыт того, "что есть будущее", может заставить воспринимать нечто как «благо», но "осуществление тотчас же" может быть "безусловным благом". Проблемы возникают, когда индивид разрывается между тем, "что есть будущее" и "осуществлением тотчас же" или "непринятием во внимание будущего".

Сводя воедино комментарии Аристотеля как отражение его внутренних мыслительных процессов и рассматривая их в свете других его комментариев о «душе» и его собственном аналитическом процессе, мы можем приступить к созданию картины познавательной микроструктуры его стратегии мышления:

1. Сенсорный опыт является одновременно и вводимой информацией ("существо, не имеющее ощущений, ничему не научится и ничего не поймет"), и заключительным подтверждением внутренних мыслительных процессов ("доверять следует прежде наблюдению, а затем уже теориям, а таковым лишь настолько, насколько они подтверждаются наблюдаемыми фактами").

2. В качестве поступающей информации сенсорный опыт испытывает следующие влияния:

а) отношения «субмодальностей», ассоциированных с сенсорным опытом, вызывают непосредственное ощущение ("ощущение есть как бы некая середина между

противоположностями, имеющимися в ощущаемом"), которое может восприниматься либо как приятное, либо как болезненное;

б) сенсорный опыт ассоциируется с внутренним «образом» или репрезентацией, относящейся к вводимой извне информации (*"из чувственного восприятия возникает, как мы говорим, способность помнить. А из часто повторяющегося воспоминания об одном и том же возникает опыт, ибо большое число воспоминаний составляет вместе некоторый опыт"*) — такой, как "случайный объект чувства". Данный «образ» или «карта» могут вызвать ощущение «желательности» через отношения внутренних субмодальных качеств.

3. Рассуждения и принятия решений осуществляются через цепь причинно-следственных ассоциаций, связывающих настоящий опыт с проекциями ожидаемых будущих последствий (*"с помощью находящихся в душе образов или мыслей ум, словно видя глазами, рассуждает и принимает решение о будущем, исходя из настоящего"*).

4. Некоторые виды вербальных оценок производятся относительно будущих последствий (как правило, на основе силлогизма класса "если...то"), определяя нечто как «благо», к которому можно приблизиться или как то, чего следует избегать (*"когда мыслящее скажет себе, что там есть нечто, доставляющее удовольствие или неудовольствие, оно и здесь начинает избегать или стремиться и вообще становится деятельным"*}).

5. Влияния настоящего (непосредственные ощущения), прошлого ("образ", воссозданный по воспоминаниям) и будущего (рассуждение о последствиях) сходятся на внутренних переживаниях, ассоциированных со «стремлением». Если три данных оценочных фактора накладываются друг на друга, выбор внешних поведенческих проявлений становится очевиден, если нет, то возникает конфликт, в котором, как ожидается, вверх возьмет сильнейший из трех.

Хотя кажется очевидным, что Аристотелевы стратегии послужили величайшему прогрессу в человеческом мышлении (как во времена Аристотеля, так и в более поздние века), современное общество и образование более склонны сосредоточивать внимание на открытиях, проистекавших из этих стратегий, чем на мыслительных процессах, благодаря которым данные открытия совершались. В следующем разделе мы исследуем некоторые из путей практического применения аристотелевых микро-, макро- и метастратегий, которые позволят нам совершить собственные открытия.

Практическое применение стратегий Аристотеля

Цель процесса моделирования в НЛП заключается не в том, чтобы получить «правильное» или «верное» описание мыслительного процесса какого-то отдельного лица, а в том, чтобы создать такую "рабочую карту", которая позволила бы применять сведенные нами в модели стратегии с практической пользой. "Рабочая карта" позволяет нам действовать более эффективно — «точность» же или «достоверность» ее менее важны, чем «полезность». Метафорическая карта (такая, как "умозрительные эксперименты Эйнштейна"), к примеру, может иметь такое же практическое значение, как «реалистическая» карта.

"Инструментальное совершенство" (Thompson, 1967) достигается, когда конкретная система действия соответствует познавательной системе, использованной для ее описания. Базовым критерием "инструментального совершенства" является степень «близости» между познавательной и поведенческой системами, то есть конгруэнтность между различиями и взаимосвязями в познавательной системе и поступками и взаимодействиями. Степень «близости» определяется тем, насколько переменные в ментальной карте или логической схеме

позволяют нам идентифицировать и мобилизовывать ресурсы и эмпирические действия, ведущие к эффективным и подходящим в данный момент поступкам в поведенческой системе.

Таким образом, оформленные нами в модели микро-, макро-и метастратегии конкретного индивида необходимо преобразовать в структуры, которые позволят применять их для практических целей. Данная цель может как совпадать, так и различаться с назначением модели, в которой они первоначально использовались.

Один из вариантов практического применения информации, запечатленной в модели мыслительных стратегий индивида — ее возможное приложение в различных компонентах ТОТЕ. Это означает, что мы можем выявить и использовать сначала только *что-то цели*, а далее применять другие действия для достижения этих целей и другие свидетельства продвижения к ним. Или же можно смоделировать *действия* индивида для достижения целей, отличных от тех, которые были для них определены изначально. Можно также предпочесть только *свидетельства* или *процедуры свидетельства*, используемые в модели, применяя их для иных целей и с иными действиями, чем те, для которых они первоначально были разработаны.

Таким образом, мы можем использовать всю или только часть информации, смоделированной с конкретного гения. В случае Аристотеля, например, мы можем применять смоделированные стратегии при:

а) исследовании вопросов и областей знания, которые не были им рассмотрены или в его время были еще *terra incognita* (в нашем случае — использование их в качестве руководящих положений при изучении феномена гениальности);

б) сочетании элементов Аристотелевых стратегий с другими методами и подходами для их углубления и обогащения;

в) выработке совершенно новых подходов к изучению различных вопросов, имея их в качестве вдохновляющих примеров.

Приводимые далее конкретные случаи их практического применения демонстрируют, как можно различными способами использовать информацию, накопленную в процессе моделирования стратегий Аристотеля.

Модель SCORE:

использование стратегий Аристотеля для определения "проблемного пространства"

Одним из простых, но мощных способов применения Аристотелевых стратегий для определения "проблемного пространства" является сведение их в матрицу с моделью SCORE (Dilts & Epstein, 1987, 1991). Модель SCORE является в НЛП преимущественно моделью решения проблем, которая определяет первичные компоненты, необходимые для эффективной организации информации о проблемном пространстве, относящемся к конкретной цели или процессу изменений. Название модели состоит из первых букв слов Symptoms, Causes, Outcomes, Resources и Effects (соответственно симптомы, причины, результаты, ресурсы и эффекты). Данные элементы представляют собой то минимальное количество информации, которое необходимо собрать для эффективного обращения с проблемным пространством.

1. Симптомы (symptoms), как правило, являются наиболее заметными и осознанными сторонами представляемой проблемы или текущего состояния. Определение признаков влечет за собой выяснение "сдерживающих причин", то есть действующих отношений, предположений и ограничивающих условий (либо отсутствия границ) в пределах системы, сохраняющей настоящее или «симптоматическое» состояние.

2. Причины (causes) — это основные элементы, отвечающие за создание и поддержание симптомов. Как правило, они менее очевидны, чем порождаемые ими признаки. Определение причин влечет за собой выяснение «предшествующих» или "ускоряющих причин", то есть прошлых события, действий или решений, влияющих на нынешнее или «симптоматическое» состояние через непрерывную линейную последовательность "действий и противодействий".

3. Результаты (outcomes) — это конкретные цели или желаемые состояния, которые должны прийти на смену симптомам. Определение результатов влечет за собой выяснение "формальных причин", то есть определение, в каком именно виде будет получен результат и как именно можно узнать о том, что он достигнут. Выяснение результатов является важной составной частью задания проблемного пространства, поскольку именно разрыв между нынешним и желаемым состоянием определяет границы проблемы.

4. Ресурсы (resources) — это основные элементы, ответственные за устранение причин симптомов и выражение и поддержание желаемых результатов. В каком-то смысле, определение ресурсов влечет за собой поиск «средних», относящихся к достижению желаемых результатов и преобразованию причин симптомов.

5. Эффекты (effects) — это более долговременные следствия достижения конкретного результата. Положительные эффекты, как правило, сами по себе являются причиной или мотивацией достижения результата (предполагаемые отрицательные эффекты могут вызывать сопротивление или экологические проблемы). Какие-либо особые результаты обычно являются «мостиками» к достижению более долговременного эффекта. Определение эффектов включает в себя выявление "конечных причин", то есть будущих целей, задач или намерений, которые дают направление или оказывают влияние на систему, определяя, таким образом, смысл, целенаправленность или уместность текущих действий.

В качестве примера рассмотрим ситуацию, когда кто-то волнуется накануне публичного выступления. Изучение *симптомов* потребует выяснения сопутствующих беспокойству обстоятельств и стесняющих факторов внешнего окружения и поведения. К примеру, что именно может вызывать беспокойство: величина аудитории, ее состав или рассматриваемый вопрос?

Имеет ли оно отношение к таким неблагоприятным факторам, как временные рамки и ограниченное пространство? Стесняет ли человека его поза, характер дыхания или манера держать себя? Какие именно внутренние переживания, мысленные образы и внутренний диалог сопровождают беспокойство?

Исследование *причин* симптомов потребует уделить пристальное внимание предшествующим причинам беспокойства. Всегда ли человек испытывал беспокойство в подобной обстановке? Когда впервые проявилось беспокойство? Связано ли оно с особыми ассоциациями или «якорями», например, какими-либо убеждениями или воспоминаниями (т. е. прошлыми унижениями или провалами)? Чем именно представлены данные убеждения или воспоминания? Чувственными переживаниями? Образами? Речью? Запахами? Каковы отношения субмодальных качеств, ассоциирующихся с данными убеждениями или воспоминаниями, что заставляет их казаться неприятными или болезненными? Если присутствуют образы, движущиеся они или неподвижные? Цветные или черно-белые? Яркие или тусклые? Если слышится речь, громкая она или тихая? Звучит она на высокой ноте или низкой? Ритмично или монотонно? Если присутствуют кинестетические ощущения, в холодных они тонах или теплых? Жесткие или мягкие? Тяжелые или легкие? Какие из "общих свойств" будут наиболее подходящими? Где располагаются образы, звуки, ощущения, запахи и т. п.? Перед человеком? Позади него? Над ним? Под ним? Подвижные ли они? Переживает ли человек воспоминания "во времени" или "сквозь время"?

При исследовании *результата* потребуется ясно и четко определить основную форму желаемого состояния, которое должно заменить беспокойство перед публичными выступлениями. Какую реакцию человек предпочел бы вместо беспокойства? Как он определит, что не испытывает беспокойства? Что ему следует изменить в своей позе, характере дыхания и манере держать себя перед аудиторией? Как изменятся его внутренние ощущения, мысленные образы и внутренний диалог? Как я уже упомянул ранее, форма результата определяет границы и уровень проблемы. То есть, если результат состоит только в том, чтобы чувствовать себя комфортней во время выступления, то границы проблемы будут по-прежнему сосредоточены на уровне способностей и поведения. Если предполагаемый результат — стать тренером или политиком, то проблемное пространство будет, по-видимому, также включать вопросы, касающиеся убеждений и личности в целом.

Исследование желаемых *эффектов* повлечет за собой определение долгосрочных целей и позитивных результатов от умения хорошо выступать перед публикой. В чем заключаются положительные эффекты, преимущества и «награды», связанные с компетентными публичными выступлениями? Какие еще перспективы, возможности и виды деятельности открывает умение выступать перед публикой? Какие главные ценности и убеждения можно реализовать благодаря таким способностям? Как может человек добиться более полной самореализации благодаря успешным выступлениям перед публикой? Кто еще из близких ему людей может испытать позитивное влияние от его способности выступать публично? Будет ли проявляться и в какой мере (среди прочих долговременных результатов успешного выступления перед публикой) чувство исполненного долга, удовлетворенности и уверенности в себе? Может ли человек выразить данные позитивные убеждения, ценности и ожидания в виде ощущений, образов или слов? Какие субмодальные качества сделают эти эффекты еще более желанными?

Один из способов организации информации, относящейся к модели SCORE, заключается в размещении ее на Линии времени таким образом, чтобы предшествующая причина была наиболее удалена во времени и располагалась ближе всего к участку, где впервые появился данный симптом. Нынешнее состояние или симптом можно расположить на участке, соответствующем настоящему или временным границам текущего периода. Желаемый результат

следует расположить немного за пределами настоящего, ближе к участку, представляющему временные границы будущего, в котором данный результат должен быть получен. Эффект же должен быть помещен непосредственно за результатом. Все это можно проделать в уме, на бумаге или, как предложено на схеме, непосредственно в физическом пространстве. Одно из преимуществ использования физического пространства состоит в том, что оно позволяет легче и нагляднее рассортировывать различные причины и «хранить» их отдельно. Это также дает возможность опытным путем и в реальных ощущениях исследовать физиологический компонент (такой, как поза, дыхание, передвижение и т. д.), ассоциированный с каждым элементом.

Размещение элементов на Линии времени также позволяет легче увидеть потенциальные конфликты и вопросы, относящиеся ко времени и восприятию того, что есть «сейчас», и того, что является «будущим». Например, в рассмотренном нами случае беспокойства, связанного с публичными выступлениями, имеется некоторое подобие дилеммы между тем, что происходит «сейчас» и воспринимается как «неприятное» или «болезненное» (выступление перед аудиторией), и чем-то в «будущем», что считается желаемым или «благом» (позитивные эффекты выступлений перед публикой). Часто в подобных случаях какие-то явления в окружении провоцируют внутренний «образ», связанный с несколькими неприятными переживаниями в прошлом (*"ибо большое число воспоминаний составляет вместе некоторый опыт"*). Поскольку ум "рассуждает и принимает решение о будущем, исходя из настоящего", беспокойство возникает как следствие проекции рецидива прошлых затруднений.

Если не существует репрезентации желаемого результата или эффекта, человек, вероятнее всего, постарается избежать выступления перед публикой. Если репрезентация желаемого будущего результата и/или эффекта существует, возникает конфликт между тем, что воспринимается как неприятное в настоящем, и тем, что определяется как желательное и «благо» в будущем. Решение приходит, когда обнаруживаются необходимые и достаточные ресурсы, адекватно обращающиеся с проблемным пространством, снижая или преобразовывая сегодняшние неприятные ощущения и увеличивая или акцентируя желательность будущего "блага".

Исследование ресурсов потребует определения области существования "пространства решений". Пространство решений является функцией мобилизуемых возможностей и действий, еще не использованных в проблемной ситуации, которая может: а) снизить или преобразовать сдерживающие или предшествующие причины или степень их влияния и б) содействовать достижению результата и желаемых эффектов.

Ресурсы, способствующие достижению результата и позитивных эффектов, могут быть найдены и развиты при помощи Аристотелевой стратегии «наведения». В каких еще вызывающих беспокойство ситуациях, помимо выступления перед публикой, способен человек достичь желаемого результата? В каких иных ситуациях человек оказался способен трансформировать беспокойство в уверенность? Есть ли что-либо общее в этих ситуациях? Что объединяет данные ситуации с реализованными ресурсами и как это выражено в позе, характере дыхания и манере держать себя? Какие аспекты личных убеждений, внутренних переживаний, мысленных образов и внутреннего диалога были общими во всех этих ситуациях?

Ресурсы, связанные со сдерживающими и предшествующими причинами, можно выявить, используя при поиске противоположных примеров Аристотелевы принципы «обращения». Например, полагая, что выявили предшествующие и сдерживающие причины, связанные с неким признаком, мы можем определить потенциальные ресурсы, указав противоположные примеры и исключения из правил, которые показывали бы, какие еще свойства и действия оказывают влияние на данные причинно-следственные связи. Если беспокойство возникает, например, когда в аудитории находится определенное количество людей, нам следует задаться вопросом, а

не было ли случая, когда при той же по величине аудитории волнение *не* возникало? В чем состояла разница? Если бы это была группа друзей (детей, животных), по-прежнему ли человек испытывал бы волнение? В чем отличие? Какие изменения в позе, характере дыхания или в манере держать себя позволили бы ему не волноваться, даже если величина аудитории не изменилась? Какие изменения в мысленных представлениях или внутреннем диалоге (цвета, расстояние, громкость, местоположение и т. п.) могли бы уменьшить беспокойство?

Выявление ресурсов через противоположные примеры имеет двойное преимущество, поскольку примеры такого типа будут оказывать влияние как на уровне поведения или способностей, так и на уровне убеждений. То есть, как "исключение из правила", такой пример предоставляет в наше распоряжение ряд альтернативных действий и путей в пределах управляемой нами системы. Но, помимо этого, он подвергает сомнению бесспорность или «незыблемость» некоторых ограничивающих убеждений. Например, утверждение: "Я всегда испытываю беспокойство перед таким количеством людей" — является в той же степени убеждением, сколь и утверждением фактической сдерживающей причины. Таким образом, выявление противоположных примеров не только уменьшает влияние сдерживающих факторов, но и помогает обрести новые убеждения, придающие свежие силы*.

*Противоположные примеры являются мощным терапевтическим средством, которое может повлиять даже на физическое состояние пациента. Например, антиаллергическая методика НЛП (Dills, 1988 и Dilts, Hallbom, Smith, 1990) использует данные построения, чтобы помочь людям преодолеть аллергические реакции.

Другой пример: обнаружив, что беспокойство человека связано с воспоминанием о прошлом фиаско при попытке выступить перед большой аудиторией, мы можем исследовать области потенциальных ресурсов и пространство решений, спрашивая, какими знаниями и способностями — которые могли бы изменить ситуацию, но в тот момент у него отсутствовали — располагает человек сейчас? Как иначе могла бы сложиться ситуация, если бы человек тогда располагал этими знаниями или способностями? Могло ли повлиять на ситуацию то, что человек в тот момент представлял бы себе результат и желаемый эффект так же хорошо, как сейчас? Как различалось бы его отношение к данному воспоминанию при его восприятии "включенном во времени" и "сквозь время"? Какие изменения в позе, характере дыхания и манере держать себя могли бы положительно сказаться на развитии той конкретной ситуации? Какие изменения в мысленных образах или внутреннем диалоге (цвета, расстояние, громкость, местоположение и т. п.) меняют эмоциональный аффект данного воспоминания?

Активизация или подключение ресурсов в проблемное пространство может осуществляться за счет: 1) некоторого процесса, проходящего в "реальном времени", такого, например, как исполнение роли; 2) воображения или 3) процесса ассоциирования или «якорения» (например, некий ресурс может быть ассоциирован с некоторым объектом, символом или даже прикосновением, используемым для активации данного ресурса в ситуации, требующей разрешения)*.

*В НЛП есть много методик активации и передачи ресурсов. Помимо «якорения» существует ряд процессов, таких как "прогулка по будущему", "генератор нового поведения" и т. д.

Хотя в качестве иллюстрации мы использовали случай, связанный с одним лицом, данный процесс может применяться и в других "проблемных пространствах", касающихся целых групп или организаций, где признаками могут быть, к примеру, снижение производительности или заинтересованности в работе. В подобном случае предшествующие причины могут находиться в широком диапазоне — от борьбы за лидерство до отсутствия взаимопонимания. Для определения нужных результатов потребуется наметить особые цели, касающиеся

заинтересованности и производительности. Эффекты и конечные причины должны включать долгосрочные преимущества (например, возрастание доходов) и самореализацию группы или организации. Ресурсами могут быть изменения в технологии или производственном процессе, осуществление программ переподготовки персонала или других программ повышения образовательного уровня организации в целом и т. д.

В итоге процесс сводится к следующим основным этапам:

1. Определение симптомов и "сдерживающих причин", связанных с сохранением нынешнего состояния.

Что является «симптомом» в данной проблеме?

Какие сдерживающие факторы, взаимосвязи, пресуппозиции и ограничивающие условия (либо отсутствие таковых) ассоциируются с симптомом?

2. Определение "предшествующих причин", относящихся к истории зарождения и развития симптома.

Какова «причина» этого симптома в данной проблеме? Какие события, действия или решения из прошлого вызвали его появление?

3. Определение результата и основополагающих формальных характеристик, свидетельствующих о его достижении.

Каков желаемый «результат» (или цель), который должен прийти на смену симптому?

Какие основополагающие предположения и восприятия определяют данный результат? Какие визуальные, аудиальные или кинестетические свидетельства позволят вам сделать вывод о достижении желаемого состояния?

4. Определение желаемых эффектов или "конечных причин" достижения результата.

Каковы будут долговременные «эффекты» достижения данного результата?

Что конкретно даст достижение результата? Какие будущие долгосрочные цели, задачи или намерения обеспечивают данному результату смысл, приемлемость или направленность?

5. Определение ресурсов, содействующих достижению желаемого результата и эффекта с помощью метода индукции и изучения структуры других — успешных — ситуаций.

Какие ресурсы могут помочь достижению результата? В каких других ситуациях или контекстах можно легко достичь желаемого результата и/или эффекта? Что общего в этих ситуациях?

6. Определение ресурсов, способствующих преобразованию предшествующих или сдерживающих причин или изменению характера их влияния путем применения принципа «обратимости» для поиска противоположных примеров.

Какие ресурсы могут помочь преобразовать, уменьшить или оказать влияние на прошлые причины или нынешние сдерживающие факторы?

В каких ситуациях или контекстах причины или сдерживающие факторы не будут породить симптом? В чем разница?

7. Активизация или передача подходящих ресурсов в пределах того контекста, в котором проявлялся данный симптом.

Применение стратегии Аристотеля для исследования и организации проблемного пространства

Как упоминалось ранее, способность Аристотеля записывать и излагать свои идеи и открытия была столь же важна, как и его способность их производить. В следующем разделе сочетаются стратегии Аристотеля и стратегии НЛП в области литературного творчества (Dilts, 1983) в качестве метода изучения, организации и выражения своих мыслей о конкретном проблемном пространстве.

Стратегия создания литературных произведений в НЛП показывает, как развернуть первое предложение в целый параграф, используя ключевые слова или «подсказки» для изложения своих мыслей через процесс ассоциации. Например, один из методов нахождения аристотелевского «среднего» подразумевает использование слов, называемых «соединительными», таких как:

Потому что

ранее

после

в то время как

когда бы то ни было

так что

Таким же образом

если

хотя

Мы связываем мысли друг с другом посредством «соединительных» слов. Например, если мы говорим: "Аристотель был гением" — и добавляем "потому что", нам необходимо будет ввести некоторый "средний термин", относящийся к нашему заключению. К примеру, мы можем сказать: "Аристотель был гением, *поскольку* он мог ясно и просто излагать сложные вещи". Данный "средний термин" становится затем первым термином, и, повторяя процесс, мы говорим: "Он мог ясно и просто излагать сложные вещи, *поскольку* разработал эффективные стратегии упорядочивания своего опыта". Продолжая процесс, можно сказать: "Он разработал эффективные стратегии упорядочивания своего опыта, *поскольку* умел сочетать свое детское любопытство со способностью мыслить логически".

Данный процесс продолжается или а) некоторое произвольное число раз (скажем, четыре или пять), или б) пока образование новых ассоциаций не начнет вызывать затруднения. После этого данная группа ассоциаций сводится в один параграф простым отбрасыванием слова «поскольку» с оформлением каждого утверждения в отдельное предложение. Предыдущий пример в этом случае будет выглядеть следующим образом:

"Аристотель был гением. Он мог ясно и просто излагать сложные вещи. Он разработал эффективные стратегии упорядочивания своего опыта. Он умел сочетать свое детское любопытство со способностью мыслить логически".

Разные соединительные слова и от нас потребуют мышления в терминах различного рода причин. Например, "в то время как" и "когда бы то ни было" заставляют нас думать в терминах "сдерживающих причин". «Ранее» и «затем», вероятнее всего, потребуют мыслить в терминах "ускоряющих причин"; "так что" — в терминах "конечных причин"; «если» и "таким же образом, как", в свою очередь, подскажут, что следует мыслить в терминах "формальных причин". Слово «хотя» подсказывает нам искать возможные сдерживающие факторы и противоположные примеры, помогая проверить основательность наших посылок.

Например, если мы вновь начнем с предложения "Аристотель был гением", но вместо «поскольку» употребим "и таким образом", то закончим совершенно иной последовательностью ассоциаций. Мы можем в итоге сказать: "Аристотель был гением, *и таким образом* Мудрость греческой цивилизации нашла свое выражение и была сохранена для последующих поколений, *и таким образом* Мы по-прежнему можем оживлять и применять эту мудрость к проблемам сегодняшнего дня, *и таким образом* Последующие поколения смогут жить в более совершенном мире, *и таким образом...*" и т. д. При использовании союза «если» нам придется идти в совершенно ином направлении: "Аристотель был гением, *если* Мы будем считать признаком гениальности влияние, оказанное им на последующие поколения, *если* Мы будем ценить вклад

на века выше сиюминутного успеха, *если* Мы на самом деле можем "рассуждать и принимать решение о будущем, исходя из настоящего" *если...*" и т. д.

Можно также установить некоторую последовательность соединительных слов, чтобы вырабатывать более сложные схемы ассоциаций. Например, мы можем начать с предложения "Аристотель был гением, точно так же, как гением был Леонардо". Затем мы можем обратиться к другому типу соединительных слов (например, "поскольку"), чтобы изложить наши мысли об этом отношении.

Мы можем также направить наши ассоциации на восприятия с участием различных сенсорных репрезентативных систем и в разных временных интервалах, вводя после соединительного слова какие-то дополнительные подсказки, например: "поскольку я вижу это", после чего мы должны сосредоточиться на нашей зрительной перспективе. Прибавление слов "поскольку он сказал это" адресует нас к другой перспективе и другой репрезентативной модальности.

В приведенной ниже таблице содержится перечень возможных соединительных слов, перспектив и слов, относящихся к репрезентативным системам, которые с использованием этого типа стратегии могут различным образом сочетаться при исследовании проблемного пространства.

Соединительное слово

Перспектива

Репрезентативная система и временной интервал

поскольку ранее

я

мы

вижу (видим...) смотрю

Видел... смотрел

увидю посмотрю

после

ты

показываю

Показывал

покажу

в то время как

вы

слышу

Слышал

услышу

когда бы то ни было

они

звучит

Звучал

зазвучит

если

он

говорю

Говорил

скажу

хотя

она
чувствую
Чувствовал
почувствую
таким образом, что
оно
трогаю
Трогал
потрогаю
точно так же, как
двигался
Двигаюсь
буду двигаться

Следующие шаги заключают в себе один из способов практического применения собранной нами информации об Аристотелевой стратегии анализа, основываясь на только что приведенном методе.

1. Выбор темы, предмета или явления для анализа или «разгадывания» и определение нескольких примеров. Напр. Тема: *Гениальность* Пример: *Аристотель, Леонардо, Эйнштейн*
2. Определение общего во всех выбранных примерах.
3. Составление четырех начальных предложений в качестве ответов на четыре основополагающих вопроса Аристотеля. Какова его природа? X — есть/суть _____
Каковы его свойства?

X обладает/обладают (многими) _____

Чем оно вызвано или что является его причиной? _____ вызывает/является причиной X.

Что оно вызывает или причиной чего является? X вызывает/является причиной _____
Например:

"Гениальность есть способность открывать, порождать или излагать основополагающие идеи и взаимосвязи".

"Гении обладают способностью различать многие измерения и уровни проблемного пространства".

"Особые, но доступные для изучения познавательные стратегии являются причиной гениальности".

"Гениальность позволяет открывать новые идеи и воплощать их в реальную жизнь".

4. Проверка посылок при помощи Аристотелевых правил «обращения», поиск областей, где можно обнаружить потенциальные противоположные примеры и исключения из правил.

Например:

Возможно ли открыть, породить или изложить основополагающие идеи и взаимосвязи, не будучи гением?

Возможно ли обладать способностью восприятия многих, измерений и уровней проблемного пространства, не будучи гением?

Возможно ли быть гением, не обладая особыми, но доступными для изучения познавательными стратегиями?

Возможно ли было бы обнаружить новые идеи и воплотить их в реальную жизнь, если бы в мире не было гениев?

5. Изучение относящихся к посылкам «причин» и «средних» с использованием слов-подсказок (например, "потому что") с записью возникающих ассоциаций. Дальнейшее использование подсказки после каждого ответа.

а) Для изучения сдерживающих причин можно использовать слова "в то время как" или "когда бы то ни было".

б) Для изучения ускоряющих причин, возможно, потребуются слова "ранее" или "после".

в) Для изучения формальных причин можно попробовать использовать слова "таким же самым образом, как" или "если".

г) Для изучения конечных причин можно подставить "таким образом, что".

д) Для изучения потенциально противоположных примеров и сдерживающих факторов с целью проверки надежности причинно-следственных посылок можно подставить "хотя".

К этому можно добавить сенсорно ориентированные термины, такие как: "поскольку я вижу" или "после того, как я почувствовал" и т. д., чтобы исследовать различные сенсорные каналы и перспективы.

6. Последовательное прочтение предложений/мыслей в том порядке, как они записаны, с исключением соединительных слов. Если записанное не вполне адекватно представляет все имеющиеся на этот счет мысли, необходимо повторить процесс с начала с другим набором подсказок. Если поток идей представляется удовлетворительным, их можно подкорректировать и оформить в отдельный параграф.

7. Когда исследование всех четырех начальных предложений закончено, потребуется новый набор из трех примеров, обладающих тем же самым качеством. Во всех этих примерах необходимо установить общий элемент и найти характеристики, сходные для двух различных подборок примеров.

Определение системы причин в проблемном пространстве

Другой путь применения данного метода для исследования потенциальных причин и проблемного пространства состоит в систематической проверке всех соединительных слов с целью выявить все подходящие ассоциации, предположения или убеждения.

Например, исследование проблемного пространства такого симптома, как беспокойство, связанное с выступлением перед аудиторией, можно начать с изложения проблемы или признака примерно в такой форме: "Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией". Не внося изменений в данную формулировку проблемы, следует применить к ней все соединительные слова, чтобы целиком исследовать «пространство» причин, относящихся к данному симптому. Например:

Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией, *поскольку*

Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией *до того, как*

Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией *после*

того, как _____

Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией *в то время, как* _____

Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией, *как только* _____

Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией *таким образом, что* _____

Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией, *если* _____

Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией, *хотя* _____

Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией *таким же образом, как* _____

Для более тщательного исследования проблемного пространства можно добавить различные перспективы, репрезентативные системы и временные границы. То есть, воспользовавшись ранее приведенной таблицей, можно поочередно применять различные подсказки, например: "Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией *после того, как услышу, что...*", или: "Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией, *поскольку они все выглядят, как будто...*" или "Я начинаю испытывать беспокойство, когда выступаю перед большой аудиторией *точно так же, как...*" и т. д.

Можно повторить данный процесс, начиная с изложения результата для обозначения потенциальных желаемых эффектов и конечных причин. Таким образом, если результат излагается в такой формулировке: "Я хочу чувствовать себя спокойно и уверенно, когда выступаю перед большой аудиторией", — то нам следует, сохраняя утверждение неизменным, применить к нему всю совокупность соединительных слов:

Я хочу чувствовать себя спокойно и уверенно, когда выступаю перед большой аудиторией, *поскольку* _____

до того, как _____

после того, как _____

в то время, как _____

как только _____

таким образом, что _____

если _____

хотя _____

таким же образом, как _____

Можно выявить ресурсы, слегка изменив формулировку результата и повторив процесс. В этом случае следует сказать:

Я могу/буду чувствовать себя спокойно и уверенно, когда выступаю перед большой аудиторией, *поскольку* _____

до того, как _____

после того, как _____

в то время, как _____

как только _____

таким образом, что _____

если _____

хотя _____

таким же образом, как _____

Таким же образом приведенная таблица может использоваться для исследования различных перспектив, репрезентативных систем и временных границ в целях еще более тщательного изучения желаемого состояния и потенциального "пространства решений".

С помощью такого рода вербальных «подсказок» можно обуздать и поставить на службу повседневным нуждам и проблемам стратегию Аристотеля во всей ее силе и утонченности. Этот метод настолько прост, что под силу даже ребенку. У меня есть опыт использования данной стратегии при решении проблем, связанных с литературным творчеством детей и взрослых. В этой разработке слова-подсказки находились на разных гранях специального вращающегося многогранника и открывались в строго определенном порядке. Метод с успехом применялся как для обучения детей и взрослых, едва владеющих пером, так и для повышения мастерства профессиональных писателей.

В данной главе мы применили процессы микро-, макро- и метамоделирования НЛП для изучения и практического применения Аристотелевых стратегий достижения «первоначал». Мы исследовали, каким образом Аристотель применял такие метастратегии, как постановка фундаментальных вопросов и "индуктивное умозаключение", для изучения фундаментальной структуры различных "проблемных пространств" и, в конечном итоге, для выражения этой структуры в форме вербальных "силлогизмов".

На уровне макростратегий мы исследовали, каким образом Аристотель выяснял влияние формальных, предшествующих, сдерживающих и конечных причин на механизмы явлений как живой, так и неживой природы. Мы также изучили его взгляды на роль различных типов восприятия времени, а наряду с этим — и некоторые методы оценки глубины и «всеохватности» его собственных заключений, предположений и посылок.

На микроуровне мы рассмотрели Аристотелевскую модель разума (или "души") и роль пяти чувств в мыслительном процессе, а также его видение механизма памяти, воображения и основополагающего процесса ассоциации. Мы исследовали идеи Аристотеля о влиянии особых характеристик и качеств сенсорного восприятия и "общих свойств" на процесс мышления. Используя определенные языковые формы как средство моделирования лежащих в их основе форм мышления, мы выяснили общую схему микроструктуры стратегии мышления Аристотеля.

Сведя информацию, полученную в результате всех исследований, в единую "рабочую карту", мы проанализировали некоторые техники и методы практического применения стратегий Аристотеля путем сочетания их с некоторыми принципами и процессами НЛП. Я предложил один метод для определения проблемного пространства (и сейчас занят поиском новых пространств решений, используя модель SCORE), и другой — с использованием ключевых слов и специальных вербальных «подсказок» для выявления, организации и определения новых областей проблемного пространства и потенциальных ресурсов и решений.

Кроме того, что мы узнали об Аристотеле, мы также ввели большинство наиболее общих категорий и моделей НЛП, включая модели SOAR, TOTE, ROLE и SCORE. Модель SOAR предоставляет нам основные «метакатегории» "проблемного пространства", «состояний» и «операторов». Модель TOTE — основные категории, относящиеся к классическим цепям обратной связи, образующим наши «макростратегии» в терминах наших «целей», «свидетельств» и выбора «действий». Модель ROLE — основные категории для моделирования познавательной микроструктуры индивидуальных стратегий, включая репрезентативные системы и их ориентационные связи с другими мыслительными процессами и эффектами в рамках данной стратегии. Модель SCORE — основополагающие элементы, участвующие в определении проблемного пространства и поиске приемлемых ресурсов и доступа к адекватному пространству решений.

В последующих главах мы вновь будем обращаться к методам Аристотеля и использовать их в наших исследованиях стратегий других гениальных личностей. С помощью методов Аристотеля мы, возможно, сумеем приблизиться к некоторым универсальным посланкам и «первоначалам», которые помогут нам еще больше осознать практическую природу стратегий гениев.